
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 42 ОКТЯБРЬ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан 1 апреля 1923 года
№ 42 (2519)
18 ОКТЯБРЯ 1975
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1975.

НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

Трудящиеся Советского Союза! Настойчиво боритесь за дальнейший подъем социалистической экономики—основы могущества Родины и неуклонного роста благосостояния народа!

Из Призывов ЦК КПСС.

ПОКОРИСЬ, ЕНИСЕЙ!

Ю. ЛУШИН
Фото автора

...И начался штурм.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ В

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 14 октября в Советский Союз прибыл с официальным визитом Президент Французской Республики Валери Жискар д' Эстэн с супругой.

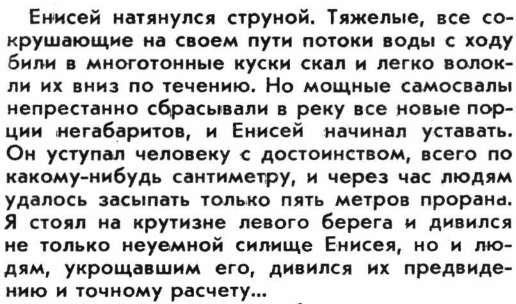
На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Франции и Советского Союза, Президента Франции встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Вместе с высоким гостем в Москву прибыли министр иностранных дел Франции Жан Сованьярг, министр экономики и финансов Жан-Пьер Фуркад, министр промышленности и научных исследований Мишель д'Орнано, другие официальные лица.

В своей речи на обеде, данном в тот же день в честь Президента Французской Республики, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Советско-французские встречи на высшем уровне всегда были наполнены

---

11 ОКТЯБРЯ, НА ЧЕТЫРЕ ДНЯ РАНЬШЕ СРОКА, В КАРЛОВОМ СТВОРЕ ПЕРЕКРЫТ ЕНИСЕЙ. СТРОИТЕЛИ САЯНО-ШУШЕНСКОЙ ГЭС ПОСВЯТИЛИ ЭТУ ПОБЕДУ ПРЕДСТОЯЩЕМУ XXV СЪЕЗДУ КПСС.

Енисей натянулся струной. Тяжелые, все сокрушающие на своем пути потоки воды с ходу били в многотонные куски скал и легко волокли их вниз по течению. Но мощные самосвалы непрестанно сбрасывали в реку все новые порции негабаритов, и Енисей начинал уставать. Он уступал человеку с достоинством, всего по какому-нибудь сантиметру, и через час людям удалось засыпать только пять метров прорана. Я стоял на крутизне левого берега и дивился не только неуемной силище Енисея, но и людям, укрощавшим его, дивился их предвидению и точному расчету...

Ровно год назад я карабкался тут вверх по крутому склону горы, то густо утыканному осинником, то сплошь покрытому каменными осыпями. Из-под ног срывались камни и катились вниз с глухим стуком, который только подчеркивал окружавшую меня тишину. Она казалась неправдоподобной. Ведь там, внизу, ревели машины, стучали перфораторы, гудели краны, рассыпались дробью вибраторы, а все вместе создавало ту единственную в своем роде симфонию, которая сопровождает всякую крупную стройку и которую не так просто заглушить. Здесь же тишина. Еще выше виднелся небольшой полосатый столбик, означавший верхнюю отметку плотины: двести сорок метров. На него наползало белое облачко тумана. Я попытался представить себе, как тут все будет через несколько лет, но воображение спасовало перед грандиозностью замысла. Можно ли представить себе, никогда не видев до этого, один из крупнейших в мире, южноафриканский водопад Виктория, низвергающийся с высоты 120 метров? А Енисей будет падать с высоты 200 метров, ежесекундно пронося около тридцати тысяч кубометров воды! Такой поток сообщит ГЭС неслыханную еще в мире силищу — 6,4 миллиона киловатт.

...Я спустился в котлован. Тут все шло своим чередом. Росли ввысь до нужных отметок первые бетонные блоки. На одном из них висел плакат: «Енисею в Саянах работать на коммунизм!» Бетон в союзе с железом составит потом монолит крепче гранитных глыб. Но вся сложность задачи заключалась в том, чтобы монолит бетона на равных слился с гранитным монолитом дна и берегов. Поэтому целые бригады занимались странным на первый взгляд делом — драили и обтирали тряпками дно котлована почище, чем иная хозяйка моет пол в квартире. Так закладывались основы прочности будущей гигантской плотины: на дне не должно остаться ни малейшей трещины, ни пылинки, ни соринки. Я беседовал с Валерием Позняковым, бригада которого как раз наводила блеск на своем участке.

— Знаете ли вы, что находитесь сейчас в ванне? — спросил он меня.

— В какой ванне?

— Сюда,— Позняков даже ногой притопнул для верности,— где мы с вами стоим, будет падать енисейская вода. Представляете, что будет, если она обрушится на голый бетон? Так вот тут, напротив сливной грани, будет гигантская бетонная ванна, которую мы строим. Ванна, полная воды.

— И эта самая вода в ванне смягчит удар енисейского водопада,— догадался я.— Значит, водой укротят воду. Так?

— Ну, конечно,— подтвердил Позняков.— На Красноярской ГЭС, если помните, совсем другой принцип...

Честно говоря, я ждал этих слов. Каждый второй или третий строитель Саяно-Шушенской ГЭС приехал из Дивногорска, где возводил Красноярскую ГЭС. Позняков тоже оттуда и, естественно, не мог не сравнить стройки. Строители всегда сравнивают свою стройку с предыдущей и, заканчивая одну, в мыслях живут уже на другой. И ничто не удержит их на месте: ни завоеванный авторитет, ни прочное положение, ни отличная квартира, хотя каждый из них отчетливо представляет, что на новом месте все это с неба не свалится.

В Саратове мне рассказывали о Волжской ГЭС имени В. И. Ленина, в Усть-Илиме — о Братской ГЭС, здесь, в Саянах, вспоминали о Красноярской. И везде наблюдалась одна и та же закономерность: новая ГЭС в чем-то всегда превосходила прежнюю. В этом тоже нет ничего удивительного. И все же... Кто мог предположить, что после крупнейшей в мире Красноярской ГЭС, которой еще не успели как следует удивиться, так скоро появится еще более мощная — Саяно-Шушенская?

...Накануне перекрытия я напомнил Валерию тот наш разговор.

— Все в порядке,— сказал он в ответ,— теперь Енисей может прыгать с любой высоты, нам не страшно. Остается только уложить в

ИЗИТОМ

большим политическим содержанием, всякий раз продвигали вперед отношения между нашими государствами».

14 октября в Кремле начались советско-французские переговоры.

На снимке: во время встречи.
Фото А. Гостева.

тело плотины миллионов девять кубов бетона. И мы сделаем это...

Над нашими головами залихватски реял плакат: «Покорись, Енисей!» Да, судьба могучей реки была предопределена людьми на многие годы вперед. О перекрытии в нынешнем октябре я услышал еще год назад. Теперь же узнал, что бригады Михаила Полторана, Владимира Поливщукова и Анатолия Милюшкина задолго до перекрытия Енисея начали соревнование за право укладки первого бетона в левобережном котловане ко дню открытия XXV съезда КПСС. И любой строитель на стройке уверен, что уже в 1978 году они пустят первые агрегаты...

Само перекрытие тоже было четко рассчитано по времени. На пресс-конференции начальник строительства Станислав Иванович Садовский объявил, что вся операция займет часа четыре. Теперь, наблюдая с левого берега за единоборством людей с рекой, я видел, как точен их расчет. Я знал, что бригада Познякова где-то там, у праздничных трибун на правом берегу, ждет вместе с другими победителями соревнования заветной команды: «Памятный вымпел «Слава труду!» поднять!» Он передан сюда строителями Красноярской ГЭС и поднимается по поводу самых важных событий. Ждать оставалось уже недолго. Через два часа Енисей уступил людям еще десять метров, и оставались последние пять. Река в поисках выхода обрушила теперь всю свою силу направо, понеслась по рукотворному бетонному руслу. А слева все еще не сдавался, бился, сдавленный глыбами скал, тоненький ручеек. На исходе четвертого часа не стало и ручейка. Берега соединились, и по узкой еще перемычке побежали навстречу друг другу люди, что-то возбужденно крича. Я не выдержал и побежал вместе с ними...

СССР—ФРАНЦИЯ: ДРУЖБА И СОТРУДНИЧЕСТВО

Альберт ГРИГОРЬЯНЦ

Фос-сюр-Мер. Старинное селение, основанное еще во времена Древнего Рима, дало название новому мощному индустриальному району Франции. Мы осматривали его с высокой башни. Хозяева давали разъяснения. Они отмечали, что здесь, в гаванях, разгружаются танкеры с советской нефтью, что чуть подальше краны извлекают из трюмов кораблей многотонные детали уникального гидравлического пресса давлением 65 тысяч тонн, поставляемого во Францию Советским Союзом, а там, за глубоководным каналом, простираются владения металлургического комбината «Сольмер», в сооружении которого принимает участие СССР...

Во время пребывания во Франции мы встречались со множеством таких вот конкретных, осязаемых проявлений растущего советско-французского сотрудничества. Оно успешно развивается. Сегодня это сотрудничество — важный элемент внешней политики Советского Союза и Франции, постоянный фактор международной жизни.

Непрерывно действующий механизм консультаций, встреч на разных уровнях, безусловно, способствует лучшей координации планов взаимовыгодного сотрудничества. При этом очевидна исключительная важность регулярных встреч на высшем уровне. В декабре 1974 года такая встреча состоялась в Рамбуйе. Мне довелось освещать ее работу в качестве специального корреспондента. Все, кто работал тогда в пресс-центре, разместившемся в скромном здании мэрии, ощущали значимость диалога между Л. И. Брежневым и В. Жискар д'Эстэном. За минувшие с тех пор десять месяцев многие договоренности, достигнутые в Рамбуйе, шаг за шагом наполнялись конкретными делами. Ответственные государственные деятели подчеркивали в беседах с нами, что большинство французов приветствуют благоприятное развитие связей с Советским Союзом.

Важная область советско-французского сотрудничества — экономика.

Сегодня уже около 400 французских фирм поддерживают полезные связи с советскими внешнеторговыми организациями. По некоторым данным, выполнением советских заказов занято около 10 процентов рабочей силы в ведущих отраслях французского машиностроения. Как весомы эти цифры в условиях спада и массовой безработицы во Франции!

Что характерно для хозяйственных связей между обеими странами? Прежде всего быстрый рост торговли. Если пять лет назад ее оборот составлял 413 миллионов рублей, то в прошлом году он поднялся до 941 миллиона рублей. В 1975 году товарооборот достиг уже 1 миллиарда 400 миллионов рублей. Таким образом, вполне реальна поставленная сторонами задача удвоить и сделать все необходимое для утроения товарооборота. Мы закупаем во Франции машины, оборудование, химические продукты, пряжу, волокно. В свою очередь, Франция покупает в СССР различные товары, среди которых возрастает доля промышленной продукции и оборудования.

Здесь уместно добрым словом помянуть специализированные общества. В Лонжюмо мы посетили одно из них — «Станко-Франс». Оно занимается продажей на французском рынке советских металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования. Есть и другие общества, например, «Актив-авто», которое поставляет тракторы, сельскохозяйственные и дорожные машины советского производства.

Но традиционная торговля уже не удовлетворяет потребностей партнеров. Совершается переход от простого обмена к промышленной кооперации, к крупномасштабным сделкам на компенсационной основе. Десятки французских фирм участвуют в изготовлении оборудования для Оренбургского газоконденсатного месторождения. Это оборудование будет оплачено поставками газа из Советского Союза. На такой же основе во Франции закуплено оборудование для Усть-Илимского лесопромышленного комплекса, для производства стирола и полистирола, аммиака. И вновь оплата будет произведена частью готовой продукции сооружаемых заводов. Рационально и обоюдовыгодно.

Убедительным подтверждением дружественных отношений между нашими обеими странами является визит в СССР президента Франции В. Жискар д'Эстэна, новая советско-французская встреча на высшем уровне. Можно с уверенностью сказать, что наше сотрудничество, поставленное на солидную основу, будет успешно продвигаться вперед. Это отвечает интересам советского и французского народов, интересам дела мира и безопасности в Европе.

ТВОИ СОВРЕМЕННИЦЫ

Б. ЛАБУТИН,
Фото И. ГАВРИЛОВА

— Я приехала вот отсюда.— Шестнадцатилетняя Рита Нэту показывает на глобусе Анголу.— На школьной карте моя родина была обозначена колонией. 14 лет наш народ вел вооруженную борьбу. Теперь пришла пора учиться управлять государством, налаживать новую жизнь.

— Ты участвуешь в революции?

— Как член молодежной секции МПЛА, занимаюсь в кружке, где рабочие, крестьяне, студенты изучают труды Ленина. Это имя в Анголе нельзя было произносить. Сейчас такой кружок есть в каждом городе. Книг Ленина не хватает, мы переписываем его работы от руки. Закончу лицей, буду учить грамоте сельскую молодежь.

С Иоко Хосои мы беседовали в машине по пути с одного столичного аэродрома на другой: девушку уже ждали в Баку. Иоко руководит женским отделом в токийской организации Лиги социалистической молодежи Японии. Ей 24 года.

— Как ты начала бороться за права женщин?

— Отец, металлург, познакомил меня с молодыми рабочими. Вместе мы искали ответы на вопросы, почему после школы так трудно устроиться на работу, почему тысячи моих подруг не могут получить специального образования. Корпорациям выгодна безработица, выгоден неквалифицированный женский труд. С этим нельзя мириться. Каждая из нас,— продолжает Иоко,— должна в своей стране, на своем месте сделать максимум возможного. В Токийском университете, где я работаю библиотекарем, удалось добиться сокращения рабочего дня для сотрудниц — молодых матерей на один час при сохранении той же оплаты. Для нас это крупный успех!

...Каждый день мы встречали делегаток всемирного форума девушек в холле гостиницы «Юность». Габриэла Бесерра Энрикес из Мексики спешила заправить пленкой фотоаппарат. Француженка Жаклин Прабель, которую все журналисты признали самой обаятельной участницей встречи, отправляла домой открытки.

Американка Джил Фурилло вернулась со встречи в Министерстве юстиции СССР. Там она просила точнее перевести ей положения трудового законодательства, касавшиеся охраны материнства, старательно заносила в блокнот цифры: «Треть народных судей, половина народных заседателей в СССР — женщины. Они возглавляют четвертую часть народных судов».

— Что заинтересовало тебя, Джил?

— Я представляла, что в СССР должно быть так, но цифры такие впечатляющие! В США женщины-судьи составляют одну десятую процента, а среди юристов их только три процента.

Джил — бывшая швея. На фабрике, где работали женщины, она пыталась организовать профсоюз, чтобы помочь им добиться равной оплаты, лучших условий труда. Хозяева уволили ее. Но девушка не сложила оружия.

— Уже второй год я в руководстве Союза молодых рабочих за освобождение,— говорит она.— Среди женщин старше 20 лет в США 4,7 процента безработных, до 20 лет — 16,2 процента. За их права мы и боремся.

— Скажи, что это у тебя за значок? — спрашивает представительница Индии Хайма Виллури ткачиху из Вичуги, члена советской делегации Зою Иванову.

— Я депутат Верховного Совета РСФСР. Более трети депутатов у нас — женщины.

— А что это значит — быть депутатом?

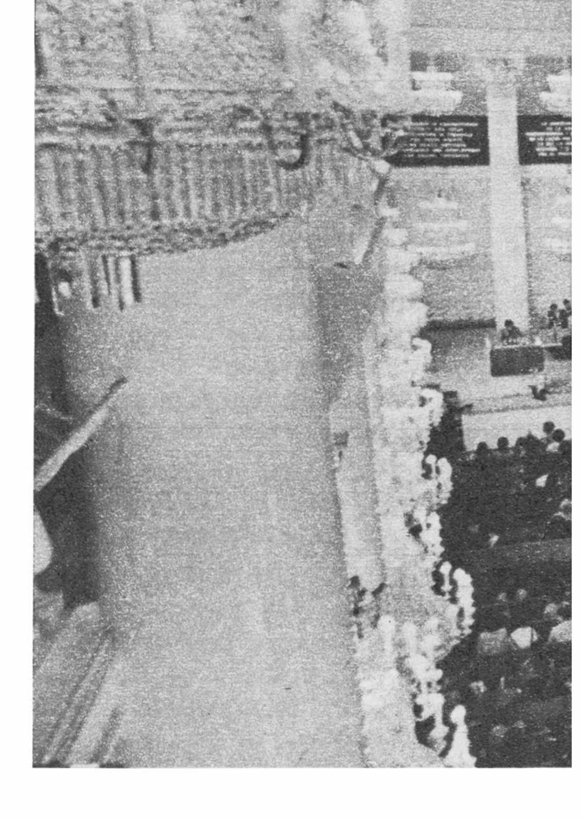
Зоя смутилась: совсем невелик ее депутатский стаж. Да и как коротко расскажешь о больших депутатских обязанностях? Может, сказать о письме министру?

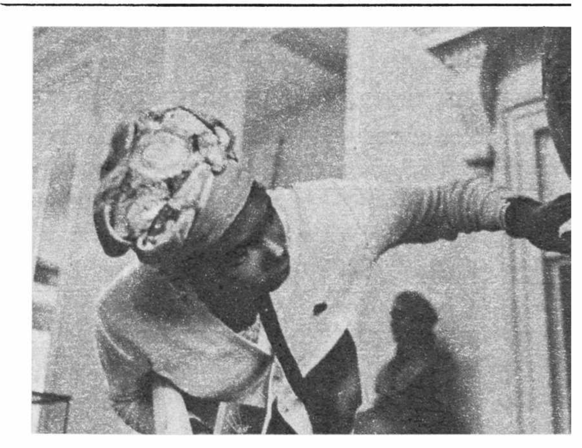
— На фабрике, где я работаю, много девчат, молодых парней. Им нужен оркестр для Дома культуры, спортивный комплекс. На особом бланке, какой есть у каждого депутата, я написала письмо министру. Попросила помочь ребятам приобрести инструменты. Недавно получила ответ: инструменты отправлены. А вернусь из Москвы, будем решать с директором, где построить фабричный стадион.

— Да,— качает головой Хайма,— наверно, ты счастлива, Зоя. До недавнего времени индийским женщинам нельзя было выходить за пределы дома. Их раскрепощение началось, но еще сильны вековые традиции...

Представительницы 111 стран и 20 международных и региональных организаций собрались на Всемирную встречу девушек, созванную по инициативе ВЛКСМ. На разных меридианах молодежь мечтает об одном — о мире, о дружбе, о счастье. Поэтому девиз встречи в Москве — «Молодежь в борьбе за мир, за национальную независимость и развитие, за социальный прогресс».

«Ваша встреча,— сказал в своем приветствии участникам форума Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— одно из крупных событий в рамках Международного года женщины, важный этап в развитии совместных действий прогрессивных сил молодого поколения в борьбе за коренные права и жизненные интересы молодежи».

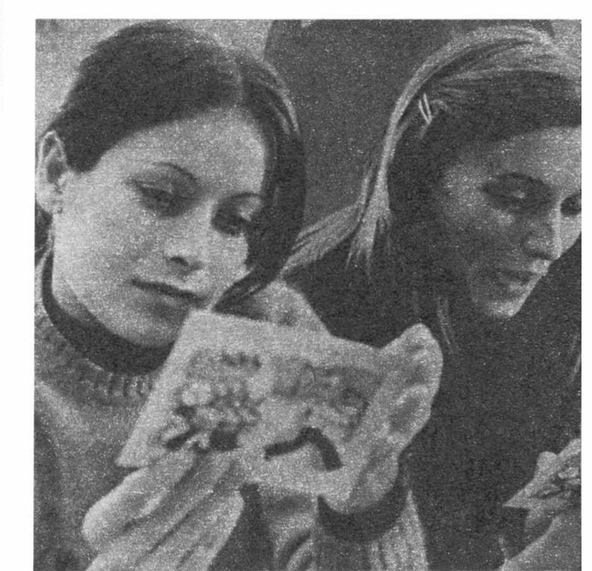

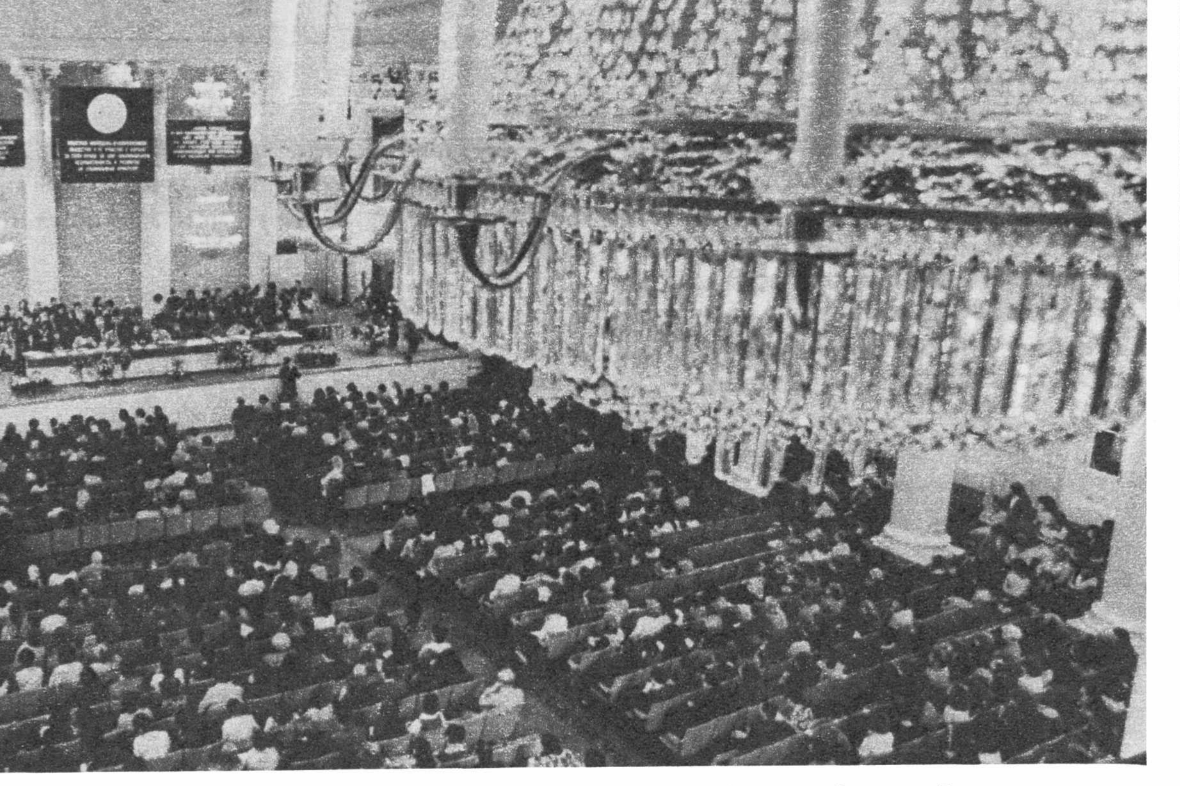

Рита Нэту: «Я приехала из Анголы».

Хайма Виллури из Индии и ирландка Филомена Флеминг строят новое здание Трехгорки.

Колонный зал Дома союзов. Открытие Всемирной встречи девушек.

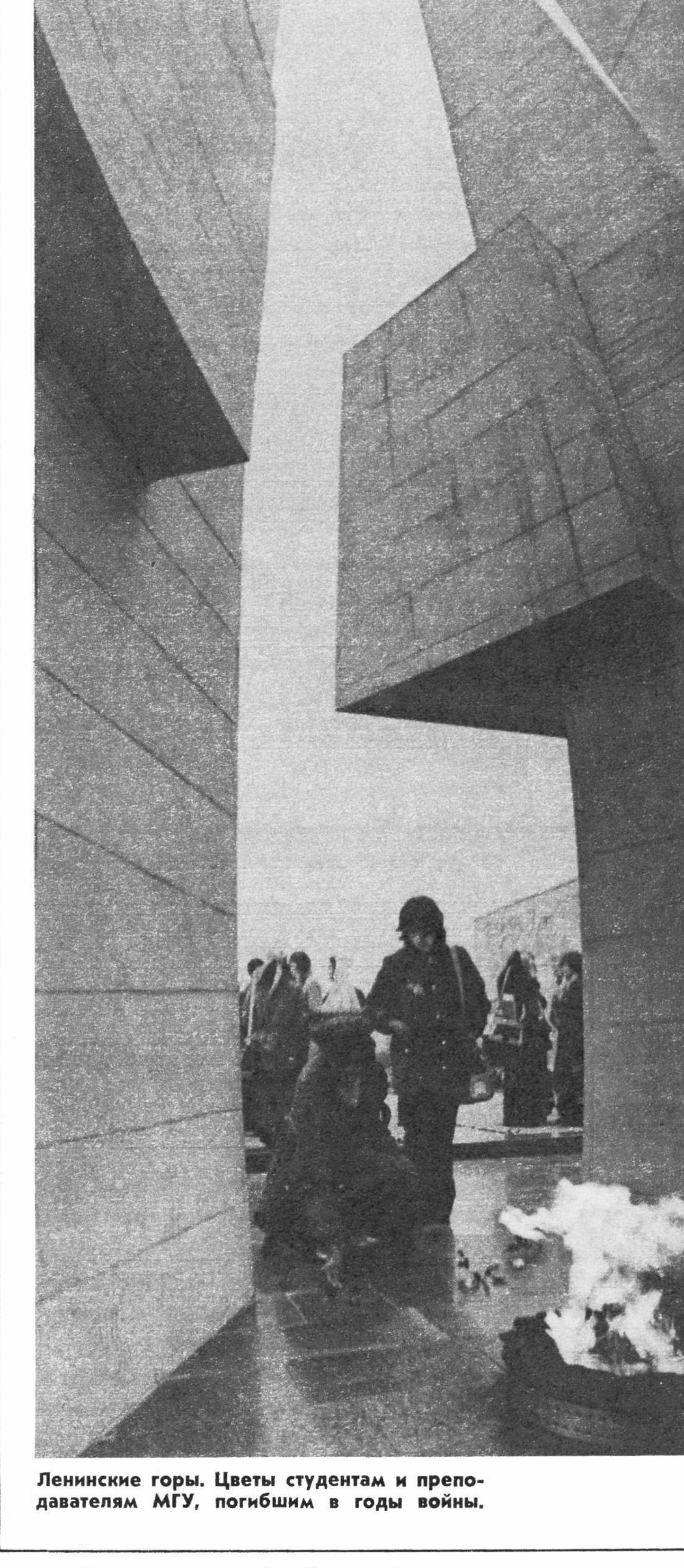

Представительница Республики Южный Вьетнам Чинь Нгок Тяу и президент Клуба интернациональной дружбы Московского Дворца пионеров и школьников Лариса Язева.

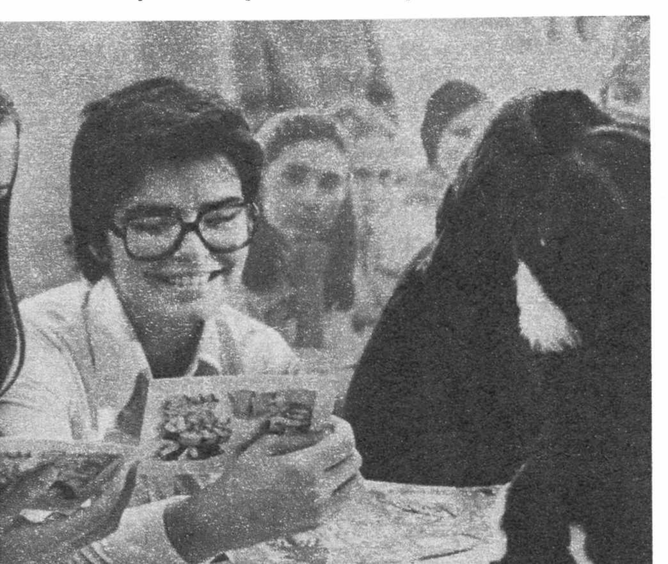

Репортера в мексиканском пончо зовут Габриэла Бесерра Энрикес.

Ленинские горы. Цветы студентам и преподавателям МГУ, погибшим в годы войны.

Лисиния Сантуш Диаш, Мария Филумена Нету и Мария да Луш Лима привезут португальским ребятам привет от пионеров Москвы.

Хайма Виллури из Индии, Жужанна Миттерер из Венгрии, австралийка Каррен Фергюссон, Каролина Бенавенте из Чили, Зоя Иванова из Вичуги, Рита Нэту из Анголы, Джил Фурилло из США бросили монетки в Москву-реку: «До новых встреч!»

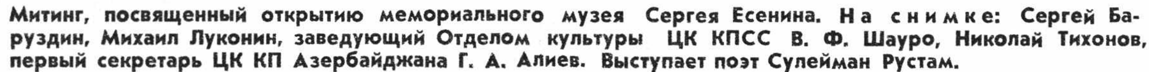

Митинг, посвященный открытию мемориального музея Сергея Есенина. На снимке: Сергей Баруздин, Михаил Луконин, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, Николай Тихонов, первый секретарь ЦК КП Азербайджана Г. А. Алиев. Выступает поэт Сулейман Рустам.

Хлеб-соль по-азербайджански.

А. СОФРОНОВ

ТЕПЛО АЗЕР

Когда ты оказываешься в Баку, однажды прочно названном городом ветров, ожидаешь именно этого — острого, пронзительного ветра, крутых, пенистых волн Каспийского моря. В этот раз тоже были ветры. Но это были ветры дружбы, ветры удивительного тепла, которое чувствовалось с первого момента, когда мы выходили из двух, почти одновременно пришедших в бакинский аэропорт самолетов и встречали рукопожатия и объятия наших хозяев. Именно там, на широкой площадке, раскинувшейся перед зданием аэровокзала, зазвучали первые слова привета, и мы увидели тех, с кем нам, представителям 40 национальных литератур, предстояло провести неделю вместе, начав этот праздник в столице Азербайджана, а затем отправившись в звездное путешествие во все стороны от Баку.

— Азербайджанские читатели,— говорил в аэропорту, обращаясь к гостям, народный поэт Азербайджана Сулейман Рустам,— хорошо знакомы с вашими произведениями. Они любят вас, как талантливых творцов нашей советской литературы, с нетерпением ждут ваших новых книг. Вы принесли с собой аромат своих краев, тепло сердец и любовь родных народов. Вас ожидает на нашей древней и вечно молодой земле такое же тепло сердец, такая же любовь.

— Мне выпала большая честь приветствовать дорогих гостей от имени рабочего класса города славных революционных, интернациональных, трудовых традиций,— сказал Герой Социалистического Труда Курбан Абасов.— С чувством величайшей радости принимаем мы литераторов всех братских республик нашей многонациональной Родины...

Уже потом, в парке Дружбы народов СССР, возле лунок для новых деревьев, президент Ассоциации писателей Португалии Жозе Гомес Феррейра сказал:

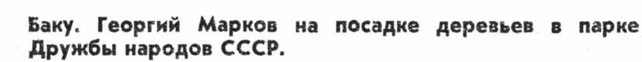
— Мы до глубины души тронуты гостеприимством, которое встречали на вашей прекрасной земле. Мы потрясены отношением читателей к своим писателям. Здесь мы видим, как высоко ценится наш нелегкий труд литераторов.

А Валентин Петрович Катаев вспомнил о том, как он, еще совсем молодым, посылал отсюда свои корреспонденции в газету «Гудок»,— и теперь, пристраивая в лунке тоненький саженец кипариса, говорил: «Пройдут года, если не мы, то наши дети придут в эту рощу...»

Николай Тихонов, Георгий Марков, Григол Абашидзе, Мариэтта Шагинян, Вадим Кожевников, Кайсын Кулиев, Сергей Баруздин, Карло Каладзе, Михаил Луконин, Максим Танк, Юрий Верченко, многие другие писатели приняли участие в этом действительно грандиозном по размаху празднике литературы.

И когда на открытии торжества первый секретарь правления Союза писателей Азербайджана Имран Касумов предоставил слово первому секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана Г. А. Алиеву, все участники литературных празднеств воочию почувствовали большую заботу наших хозяев о том, чтобы все писатели были тесно связаны с теми новыми явлениями нашей жизни, которые так ясно видятся на азербайджанской земле.

Большим событием этих встреч оказалось открытие мемориального музея в одном из пригородов Баку — Мардакянах, где в свое время подолгу жил и написал много прекрасных стихов Сергей Есенин. Именно в эти дни, всего лишь накануне, в родном Есенину «краю березового ситца» был открыт впечатляющий памятник поэту работы талантливого скульптора Александра Кибальникова. А здесь, в тени кипарисов, на белой стене появилась мемориальная доска и распахнулись двери музея. И тогда мы особенно отчетливо почувствовали, какими плодотворными были для Сергея Есенина 1924—1925 годы, когда он подолгу жил в Азербайджане, черпая вдохновение в теплоте, которой окружали его азербайджанские друзья.

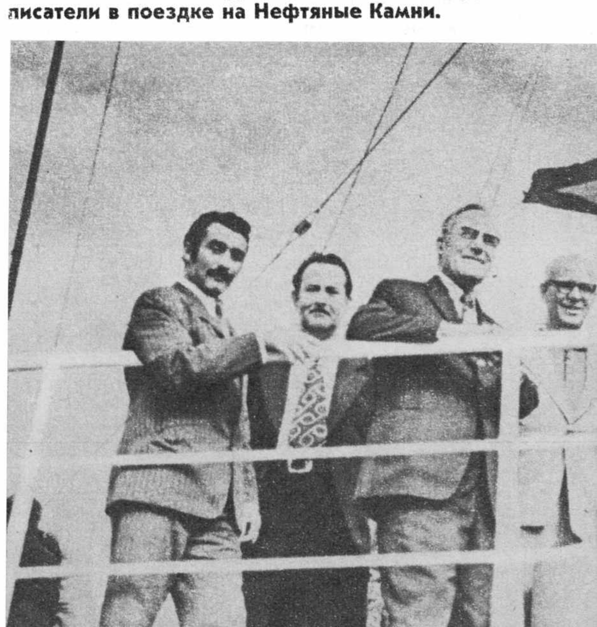
Участники Дней советской литературы в Азербайджане Мариэтта Шагинян и писатели из братской Чехословакии.

Баку. Георгий Марков на посадке деревьев в парке Дружбы народов СССР.

Валентин Катаев, Вадим Кожевников и другие писатели в поездке на Нефтяные Камни.

Горячая встреча.

БАЙДЖАНА

Фото специального корреспондента «Огонька» Н. КОЗЛОВСКОГО и корреспондента «Литературной газеты» В. КРОХИНА

Старейший советский поэт Николай Семенович Тихонов — ему в знак уважения и больших заслуг азербайджанцы присвоили звание народного поэта своей республики — прочел новые стихи, посвященные Сергею Есенину:

Здравствуй, дорогой
Сергей Есенин!
Мы пришли, стихи
твои любя.
Здесь поэты разных
поколений,
Все, кто шел приветствовать тебя.
Ты сказал в тени
бакинских башен:
«Смычка есть рабочих
и крестьян —
Дайте смычку всех поэтов
наших,
Стиховой народов океан!»
И свершилось —
пред тобой поэты
Самых разных голосов
и сил,
Принесли тебе свои
приветы,
Стали рядом, как ты
и просил.
Вот она — та смычка
золотая
И твоей поэзии приют.
И стихи многоязычной стаей
Над тобою кружат и поют.
Не уйти тебе в закат
янтарный,
И твоим напевам
не стихать...
Ты живешь — и люди
благодарны
Правде сердца твоего стиха!

...Нам посчастливилось вместе с Сулейманом Рустамом, азербайджанским прозаиком Гусейном Аббасзаде, грузинским поэтом Карло Каладзе побывать в Ленкорани. После Баку, после каменистой, суровой местности, где справа тянутся горы, а слева виднеется Каспийское море, мы оказались на благодатной земле, сплошь покрытой еще зелеными виноградниками.

Машина проносилась мимо школ, клубов и домов. Навстречу выбегали смеющиеся черноглазые ребятишки. В Ленкорани нас с нетерпением ожидали наши друзья.

...Давно мы полюбили прекрасного азербайджанского поэта Самеда Вургуна. Уже нет его среди нас, но его поэзия, его драматургия продолжают жить. Все мы как бы слышим голос Самеда, видим его чуть грустноватые глаза. В эти незабываемые дни он как бы снова был с нами, звучали его стихи, а на сцене театра его имени шли новые пьесы советских драматургов и звучали памятные строки Вургуна:

И движутся рядом — щекой о щеку —
С рабочей Москвою рабочий Баку.
Ведь наши и воздух, и жизнь, и земля!
Ворота Востока — в воротах Кремля!

...Впервые, много лет назад, когда я увидел желтый срез берега и синевато-свинцовое Каспийское море; переплетение ажурных вышек в бухте Ильича и высоко поднятый над Баку памятник Кирову; площадь 26-ти бакинских комиссаров и приморские бульвары — уже тогда я понял, что Баку, Азербайджан навсегда останутся в моем сердце.

Это было уже давно, очень давно, а теперь состоялась еще одна встреча, и можно только сердечно поблагодарить руководителей республики, писателей Азербайджана, всех тех, кто в эти солнечные осенние дни отдал нам горячий жар сердец, чтобы каждый унес этот жар, как добрый подарок, навсегда оставив его в своей памяти.

Николай Тихонов открывает книжный магазин в городе Ленкорани.

На празднике литературы в Азербайджане: Имран Касумов, Юрий Рытхэу, Василь Козаченко.

Коллективу театра имени Волкова вручается орден Октябрьской Революции.

ПРАЗДНИК РУССКОГО ТЕАТРА

В тот солнечный октябрьский день, наверное, почти все жители Ярославля побывали у памятника Федору Волкову. Цветы, много цветов. Да и природа словно постаралась по-своему отдать дань великому земляку, расстелив у его ног многоцветный ковер осенних листьев. А Федор Волков — статный, с гордо поднятой головой,— казалось, пристально, требовательно и в то же время торжествующе взирал на свое создание — театр. Первый русский национальный театр для народа.

К большому, светлому зданию Ярославского академического театра подъезжают машины, автобусы... Рабочие, колхозники из окрестных сел, военнослужащие, студенты, ученые, писатели — все они поздравили первый театр с 225-летием и вручением ему ордена Октябрьской Революции.

...На сцену выносят знамя театра. Заместитель Председателя Совета Министров РСФСР тов. В. И. Кочемасов прикрепил орден к знамени.

В своих поздравлениях товарищи В. И. Кочемасов, первый секретарь Ярославского обкома КПСС Ф. И. Лощенков, первый заместитель министра культуры РСФСР Е. В. Зайцев, народный артист СССР Б. П. Чирков и другие выступавшие отметили, что юбилей театра имени Волкова — важное событие в культурной жизни нашего народа. Быть первым — почетная, но и ответственная миссия. Именно принципы гражданственности искусства, социалистического реализма делают волковцев одним из ведущих театров России.

Затем на сцене появились герои разных спектаклей. Удивительно, что сидящим в зале не надо было напоминать, кто здесь из «Солдатской вдовы» Анкилова, кто из «Вассы Железновой» Горького или чеховских «Трех сестер», шукшинских «Характеров»... Их сразу узнавали — так же, как и любимых актеров: Л. Макарову, В. Нельского, Ю. Караева, Т. Канунникову, Ф. Раздьяконова, А. Козельскую и многих других.

Не часто можно увидеть на сцене сразу всю труппу театра, а тут были еще и коллеги из других театров России, артисты цирка, участники самодеятельности... Разумеется, не обошлось и без шутливых припевок знаменитых «Ярославских ребят»:

Всю объехали Россию,
Не встречали городов,
Где ходили бы в театр
Двести двадцать пять годов...

Двести двадцать пять! Сколько же сменилось на волковской сцене режиссеров и актеров, сколько открыто драматургов, поставлено спектаклей, особенно после Октябрьской революции,— она дала театру второе рождение и привела на репертуарную афишу имена таких писателей, как К. Тренев, В. Иванов, А. Толстой, Н. Погодин; таких актеров, как В. Комиссаржевская, А. Ленский, И. Москвин...

Вновь и вновь возвращаясь к истории театра, вспоминая пьесы, классические и современные, поставленные за последнее время, видишь, что волковцы всегда тяготели к произведениям большого масштаба, ярким жизненным характерам, крупным социальным темам.

— Награждение орденом Октябрьской Революции,— сказал в беседе с нами главный режиссер театра народный артист СССР Фирс Шишигин,— мы, волковцы, воспринимаем как своего рода аванс, который нам еще предстоит отработать.

«Русская походка» театра, его самобытность,— продолжает Фирс Ефимович,— была заложена Федором Волковым. Мы стараемся сохранять традиции и в режиссуре и в манере актерской игры. Кое-кто в наши дни берется утверждать, что искусство театра должно быть искусством «сдержанности», «тишины». А как же тогда быть с Ермоловой, с Качаловым? Ведь именно высокий поэтический накал, богатырский внутренний пафос в сочетании с характерностью, органичностью делают, на наш взгляд, актера Актером.

И еще: любая тема театра должна быть вскрыта драматургом на перекрестках главных дорог современности. Должна быть достойной советского человека.

Н. АЛЕКСЕЕВА

«ОГОНЕК» НА БАМе

В «столице» БАМа Тынде, в Доме культуры «Юность», состоялась творческая встреча бригады журналистов «Огонька» со строителями Байкало-Амурской магистрали, читателями журнала. После вступительного слова секретаря райкома партии В. Лескова огоньковцы рассказывали о работе журнала, его планах, связанных, в частности, с освещением хода строительства магистрали. Выступавшие товарищи инженер О. Головко, заместитель главного редактора районной газеты «Авангард» М. Морозов высказали ряд замечаний и пожеланий в адрес журнала.

Вместе с бригадой журналистов на стройку БАМа прилетел композитор Н. Е. Писаренко; на вечере он исполнил несколько своих песен. Особенно тепло была встречена строителями написанная в дни работы бригады «Огонька» на стройке песня о БАМе на слова бамовца О. Головко.

В фойе Дома культуры открылась фотовыставка работ собкора «Огонька» по Дальнему Востоку В. Кузнецова. Его снимки рассказывают о героях стройки, об их героических делах.

Встречи огоньковцев с читателями состоялись также в городке Главмосстроя — с москвичами, строящими Тынду («Огонек» — шеф первого многоэтажного дома, который будет построен в Тынде), и в якутском поселке Нагорное, на трассе Тында — Беркакит. Здесь член огоньковской бригады, композитор Н. Е. Писаренко — он живет в Смоленске — побывал у своих земляков и опять же исполнил для них песни, напомнившие им родные края.

В Благовещенске огоньковцы выступали перед курсантами Дальневосточного высшего общевойскового командного училища имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского.

Во встречах со строителями БАМа участвовали члены редколлегии «Огонька» В. Белецкая, Н. Толченова, Л. Леров, собственный корреспондент «Огонька» по Дальнему Востоку В. Кузнецов и фотокорреспондент Г. Копосов.

На снимке: встреча бамовцев с «Огоньком». Тында, Дом культуры «Юность».

Фото В. Кузнецова

Е. Лансере. 1875—1946. ПОСЛЕ ЛЕДОВОГО ПОБОИЩА. 1942.

Государственная Третьяковская галерея.

БОЙЦЫ У ТРОФЕЙНЫХ ОРУДИЙ. 1942.

Е. Лансере. КОРАБЛИ ВРЕМЕН ПЕТРА I. 1911.

Государственная Третьяковская галерея.

ТАЛАНТ МНОГОГРАННЫЙ

Ник. КРУЖКОВ

Нет, ему не приходилось удовлетворять свое ребячье желание творить способом кустарным, к какому прибегали многие — рисовать углем на бабушкиной печке, пользоваться случайно найденным клочком бумаги, куском фанеры, картона или кое-как обструганной доской, завалявшейся в сенцах,— детство и юные годы Евгения Лансере прошли в обстановке, где все дышало искусством.

Родился он в Павловске, под Петербургом, в дворцовом предместье, прославленном своей красотой. Отец его был известный скульптор, мать, урожденная Бенуа, с молодых лет занималась живописью, хотя и не считала себя профессиональной художницей. Дед Евгения Лансере по матери — архитектор. Дядья составили плеяду крупных мастеров искусства: Леонтий Бенуа — архитектор, профессор Академии художеств, Альберт Бенуа — художник-акварелист, Александр Бенуа — живописец, график, художественный критик, историк искусства, один из инициаторов создания творческой группы «Мир искусства». Прадедом художника был Кавос — архитектор, строитель Большого театра в Москве и Мариинского — в Петербурге.

Благодатное солнце искусства озаряло эту семью на протяжении нескольких поколений. Под его лучами вырос, окреп и расцвел многоцветный и многогранный талант Евгения Лансере — живописца, графика, книжного оформителя и несравненного иллюстратора, яркого театрального декоратора, художника-монументалиста. Какой груз возложил на свои плечи этот, казалось бы, вовсе не сильный человек с лицом изящным и тонким, с задумчивым и несколько печальным взглядом, привыкшим внимательно и зорко всматриваться в окружающую его жизнь! И в каждой отрасли искусства, им избранной, Евгений Лансере сумел достичь высокой степени совершенства.

Жажда творческой деятельности с юных лет томила художника. Не окончив гимназию, которая казалась ему нестерпимо скучной, он поступает в школу Общества поощрения художеств. Здесь все нравилось Евгению Лансере: и преподаватели, и вся обстановка в школе, где собиралась самая разнообразная публика, склонная к шумным спорам вокруг всевозможных новаций.

В 1893 году восемнадцатилетний Евгений Лансере записывает в своем дневнике: «Конечно, раньше всего — быть отличным художником... все, что я теперь делаю, ведет к этой цели». Но, думается, главное значение для развития таланта молодого художника имело то, что он был самозабвенно трудолюбив, не знал покоя, целые дни проводил на выставках, делая копии, или, не щадя себя, часами рисовал натуру.

Он много читает. Его любимые писатели Толстой, Достоевский, Золя, Гюго. Вчитываясь в страницы великих авторов, он как бы прикидывал и собирал силы для будущих своих графических работ. Прочитав второй том «Войны и мира» с иллюстрациями Н. Н. Каразина, он записывает в дневнике: «... а поездка Ростовых к Мелюковым, что за прелесть. Заставляет любить зиму... (Что Каразин! Мне даже его жаль! Он дерзок, что смел подумать даже изобразить эту дивную картину. Жалкий нахал! Конфеточная обложка!)... Когда я буду большой, я нарисую картину этой ночи. Теперь я вижу ее перед собой, но не буду рисовать, чтобы не помешали бы потом мои теперешние отчаяние и бессилие».

Выше мы упомянули о том, что Александр Бенуа, имевший огромное влияние на своего племянника, стал одним из основоположников творческой группы «Мир искусства». Надо сказать, что художники, входившие в эту группу, были людьми даровитыми, серьезными мастерами своего дела, но беда их (а некоторые считают, что вина) состояла в оторванности от реальной жизни, в утверждении ложной мысли о том, что искусство существует для искусства, что художник может быть свободным от идейных влияний. Один из создателей группы, Сергей Дягилев, формулировал это так: «Мы любим все, но видим все через себя». Девятнадцатилетний Евгений Лансере записывает в своем дневнике: «Искание истины посредством чувства и есть искусство». Это же в разных выражениях много раз говорил Александр Бенуа. Власть чувств нередко уводила «мирискуссников» далеко от истины. На протяжении многих лет Евгению Лансере приходилось продираться сквозь заросли путаных представлений, но движение к жизненной правде проявлялось с каждым годом все сильнее и сильнее.

Еще в 1896 году в дневнике молодого художника появилась запись: «Я работаю, ибо это нужно... Мое назначение выражать мысли, впечатления, чувства, направленные к удовлетворению вопросов моих собственных и окружающего общества...» Это высказывание можно рассматривать, как завязь будущих решений, которые привели художника к уходу от туманностей «Мира искусства», к жизненным реалиям. Но не так прост был этот отход.

Первой книгой, которую иллюстрировал Евгений Лансере, стало сочинение Е. Балабановой «Легенды о старинных замках Бретани». Работу Лансере «мирискусники» встретили шумными аплодисментами, а суровый в своем справедливом гневе Владимир Васильевич Стасов написал: «Стоило ли Е. Лансере ехать в Париж и долго там учиться и жить, чтобы рисовать потом свои иллюстрации к «Бретонским сказкам»., где человеческие фигуры торчат кривые и косые, без малейшей натуры, волны — в виде правильных ромбов мозаики, какие-то колоссальные оплывшие свечи в подземелье, то небывалые кусты и растения, все что угодно, кроме того, что в самом деле на свете есть».

Тем не менее иллюстрации к «Легендам» внесли новую, свежую струю в оформление книг — появившиеся художественно выполненные виньетки, заставки, буквицы делали книгу нарядной, необычной для глаза тогдашнего читателя.

Не за горами было время, когда Евгений Лансере стал выдающимся оформителем книги, а книга — произведением искусства. Не так-то было просто ломать установившиеся традиции, находить новое в забытом старом, искать красоту в книжной технике, создавать и одновременно учиться. В 1916 году, подводя некоторые итоги пройденному в этом направлении пути, Д. В. Философов писал: «Теперь русское издательство страшно продвинулось вперед... Замечается даже некоторая усталость от изящных переплетов, виньеток и обложек... Но тогда, каких-нибудь двадцать лет тому назад, у нас в техническом смысле была пустыня аравийская»...

Именно Евгений Лансере был самым лучшим садовником из тех, кто оживлял эту пустыню.

Он не любил сидеть на месте. Страсть к путешествиям, разъездам владела его душой до самой старости. Желание как можно больше увидеть соединялось с зоркостью и точностью наблюдения. Из каждой поездки он привозил горы альбомов, заполненных эскизами, набросками, этюдами; объездил Псковскую, Воронежскую, Киевскую, Харьковскую, Курскую губернии, в 1902 году предпринял длительную поездку на Дальний Восток, в Сибирь, в Маньчжурию, Японию. Сама жизнь уводила его от романтической созерцательности «мирискуссников» к активному началу в творчестве.

События 1905 года потрясли художника. Куда идти? С кем? В письме к Александру Бенуа, который в это время находился за границей, Евгений Лансере писал: «...невозможно в настоящий момент быть посредине, когда вся Россия раскололась на две половины... Поэтому мне хотелось бы, чтобы все живое, все искреннее, все талантливое, все честное в искусстве и культурность перешли бы на сторону социализма». А в другом случае он писал тому же адресату: «Мне грустно и мне не нравится, что ты, точно обиженный на современность, ушел в прошлое».

Никто ранее и предположить не мог, что Евгений Лансере, поклонник изящного, тонкого, романтичного, способен поднять бич яростного протеста против царского самодержавия. Он сделал немало рисунков такого плана, но особенно удался ему гротеск «Тризна» для журнала «Адская почта», вскоре запрещенного «конституционной» цензурой. Изображено торжество «христолюбивого» царского воинства, успешно расправлявшегося со своим народом в возмещение позорных маньчжурских поражений; свиные хари пьющих и жрущих офицеров, тупость на лицах, чванство и низость. А на заднем плане рисунка — хор полковых песенников, вызванных для развлечения начальства и орущих деревянными голосами «патриотические» слова вроде следующих: «Ура, ура, ура! Идем мы на врага. И рады помереть мы за батюшку царя».

Этот рисунок звучит как проклятие палачам народа.

Однако не следует утверждать, что Евгений Лансере стал активным участником революции, точнее, это было приобщение. Но, несомненно, настроения художника, выявившиеся в 1905 году, привели его впоследствии к воодушевленному приятию Великой Октябрьской революции — он стал художником Страны Советов, заслужив признание, славу и благодарность народа.

Шли девятисотые, десятые годы. В биографии Евгения Лансере они отмечены напряженным, постоянным трудом, творческими путешествиями, обогащавшими художника. Его палитра стала еще более яркой. Ювелирная тонкость рисунка, мастерство композиции, успешно находимые цветовые акценты резко отличали его работы, придавая им особое звучание. Книга по-прежнему оставалась предметом его творческих влечений и забот. Утвердилось умение раскрывать в иллюстрациях основное содержание текста; книга рассматривалась как единое целое, в котором все было в гармонии: иллюстрации, книжное убранство, игра шрифтов и бумажного поля, переплет, обложка.

К этому же периоду относятся первые опыты Евгения Лансере в области монументальной живописи, совершенно поразившие современников. Как? От книжной виньетки, от этюдов почтовых марок, от тонкой акварели перейти к широкому, масштабному размаху монументальности,— возможно ли это? Но Евгению Лансере все было по плечу.

1 ноября 1912 года он получил следующее торжественное извещение: «Собрание имп. академии художеств в заседании от 29 октября 1912 года во внимание известности Вашей на художественном поприще постановило удостоить Вас званием академика»...

Избрание в академию Евгения Евгеньевича Лансере произошло по инициативе и предложению И. Е. Репина, В. В. Матэ, В. А. Покровского. Новое высокое звание как бы удесятерило творческие силы художника — он вышел на широкую дорогу, именно после этого события им были созданы лучшие произведения.

С детских лет Евгений Лансере любил Кавказ. Мальчиком он с наслаждением слушал рассказы отца о красотах этого края. Лермонтовский «Демон» потряс его воображение. Великое перо Льва Толстого, с такой силой проявившееся в «Казаках», «Хаджи-Мурате», «Кавказском пленнике», укрепило это пламенное влечение. В 1912 году он получил заказ на цикл иллюстраций к «Хаджи-Мурату». Пожалуй, трудно назвать другую работу, которую художник делал бы с большей радостью и воодушевлением. Одержимый постоянной «охотой к перемене мест», он немедля отправился на Кавказ, в те места, где происходило действие повести Льва Толстого. С альбомом в руках он облазил орлиные гнезда Чечни и Дагестана, делая зарисовки и наброски, острым взглядом всматриваясь в быт горцев, в их одежду, в детали житейского уклада. Он без конца перечитывал повесть великого писателя, открывая в ней все новые мысли и темы, творчески соединяя свои собственные впечатления с осмыслением текста.

Из поездки он вернулся, обогащенный виденным, и только тогда принялся за работу. Рисунки Евгения Лансере к «Хаджи-Мурату» составили целую эпоху в истории отечественного искусства — в них Кавказ предстал во всей своей солнечности, в многообразии цветовой гаммы; остро очерчены характеристики действующих лиц, точно расставлены социальные акценты, с полной достоверностью соблюдена историческая обстановка того времени. Александр Бенуа в рецензии на его иллюстрации писал: «Слишком огромно искусство Толстого, чтобы вообще допускать какие-либо сравнения. Но тем значительнее то, что рисунки Лансере сохраняют рядом с толстовской колоссальностью и свою значительность, свою прелесть, что они не только дают тонкую и точную «справку по сценарию» и рисуют типы действующих лиц, но, кроме того, складываются в самостоятельную песнь, прекрасно ввязывающуюся в могучую музыку Толстого».

Но и эта оценка кажется скромной на фоне тех похвал, какими была встречена работа Лансере.

«Самостоятельная песнь» возникла у Лансере и тогда, когда он, прикипев к Толстому всей силой своей творческой страсти, создал цикл иллюстраций к повести «Казаки». С той же тщательностью и добросовестностью собирался подготовительный материал, изучались типы терского казачества. Многочисленные прочтения художником текста повести создали слитность чувств писателя и иллюстратора. Нет, и в этом случае Лансере не пошел по узкой дорожке готового сценария; его голос был отчетлив и звонок на фоне органного звучания прозы великого Льва Толстого. Работа над «Казаками» продолжалась несколько лет.

Великую Октябрьскую революцию Евгений Лансере встретил как солдат на боевом посту — с готовностью отдать все силы делу народа. Многие из окружения «Мира искусства», в прошлом близкие товарищи художника, поспешили за рубеж. Е. Лансере, И. Грабарь, Д. Кардовский остались в революционной России — ничто не могло поколебать их привязанности к Родине.

Мы знаем, что Кавказ всегда привлекал Евгения Лансере; общение с его природой и людьми умножило творческие силы художника. В декабре 1917 года он переселился в Дагестан, в город Темир-Хан-Шуру, и для начала стал преподавать рисование в местной женской гимназии, чтобы хоть как-то прожить: материальные трудности со всех сторон обступили художника и его семью. А затем перебрался в Тифлис, став на многие годы «кавказским пленником». Это был сладкий «плен», желанный для его натуры, отмеченный высоким взлетом мастерства, напряженной работой, педагогической и общественной деятельностью. Можно с полным правом утверждать, что Евгений Лансере был в центре творческой жизни Грузии. Личное обаяние и яркий талант привязывали к нему людей. С 1922 по 1934 год он — профессор живописи и рисунка грузинской академии художеств, с 1924 по 1930 год — декан живописного факультета, а с 1925 года еще и член-сотрудник Кавказского историко-археологического института.

Путешествия по Кавказу, сопряженные с немалыми тяготами, становятся для него обычными. В 1922 году он пишет Б. Кустодиеву: «Чем я делаюсь старше, тем больше я люблю не себя, а то, что вижу перед собой». Художник стремится видеть все: людей в их своеобычных одеждах, яркие цветы долин, черные пропасти, горные тропы, снежные вершины и исторические памятники, которых так много на Кавказе. Он ездил в Армению, в Азербайджан, исколесил всю Грузию; по просьбе советского посла совершил путешествие в Турцию — в Анкару, Трапезунд. В 1921 году вместе с художником И. Шарлеманем создает проект Государственного герба Грузинской ССР. В 1922 году из-под его кисти вышел великолепный портрет Серго Орджоникидзе — натуры яркой, революционно-романтической. Одновременно Евгений Лансере работает для кинематографа и театра — делает рисунки для фильмов «Ануш», «Хаджи-Мурат», декорации к «Юлию Цезарю» в московском Малом театре, к опере «Самсон и Далила» в Одессе и к «Макбету» в Кутаиси, декоративные панно для Дворца рабочего в Харькове...

Необъятен диапазон творчества Евгения Лансере, неукротима его энергия.

В 1934 году художник переехал в Москву, где его ждало обширное и увлекательное поле деятельности. И все-таки незадолго до отъезда из Грузии он писал своему брату: «Но будет все же ужасно жаль Тифлиса и юга!!»

Трудно перечислить все работы Евгения Евгеньевича Лансере в последний период его жизни — казалось, с возрастом силы его не убывали, росли.

Он создал восхитительные декорации к постановке «Горя от ума» в Малом театре, оставлявшие глубокое впечатление, как бы раздвинувшие рамки бессмертной комедии, придавшие ей еще большую социальную значимость. Приветствуя Е. Лансере в день премьеры, дирекция театра отметила, что «художник — мастер с большим вкусом и знанием эпохи показал на академических подмостках Дома Щепкина подлинную грибоедовскую Москву, что явилось блестящим украшением спектакля, достойным сцены ведущего советского театра». Замечательная актриса Вера Николаевна Пашенная на обсуждении постановки сказала: «Теперь об оформлении. Оно совершенно изумительно. И вот, как я ни устала, мне хочется еще побыть в фамусовском доме».

В качестве художника-монументалиста он продолжает оформление Казанского вокзала в Москве, создает декоративные панно для станции метро «Комсомольская» и для одного из залов в военной академии имени М. В. Фрунзе, подготовляет роспись ресторанного зала гостиницы «Москва», оформляет новые здания Ленинской библиотеки... Его работы как монументалиста отличает особая, присущая Лансере приподнятость в толковании сюжета, смелое применение метафор и аллегорий. Эмблемы он рассматривал не только как декоративные украшения, но и как средство подчеркнуть идею, внутренний смысл произведения.

При всей громадной, напряженной творческой деятельности Лансере не оставлял преподавательской работы. Его педагогические способности, благородный такт вызывали всеобщее уважение. Он утверждал: «Руководя работой, отнюдь не следует ломать своеобразие каждого учащегося».

В годы Великой Отечественной войны художник создает живописно-станковые картины: «После Ледового побоища», «На Куликовом поле», «Полтавская победа», «1812 год», «Бойцы у трофейных орудий», объединенные общим названием «Трофеи русской армии». Впервые показанные на выставке «Великая Отечественная война», они производили на посетителей огромное впечатление. Во всех этих полотнах жила единая мысль: велик наш народ, и победить его нельзя! Персонажи картин — воины Александра Невского и Дмитрия Донского, солдаты Петра времен полтавской «виктории», гусары 1812 года, наши нынешние бойцы у захваченных фашистских орудий — в каждом из них узнаешь характеры мужественные и простые, ощущаешь родственность душ и сердец.

Еще в 1936 году он писал: «Гражданин Советского Союза — это звучит, как осуществленная мечта для нас, выросших и проведших значительную часть своей сознательной жизни в старой царско-купеческой, помещичьей России».

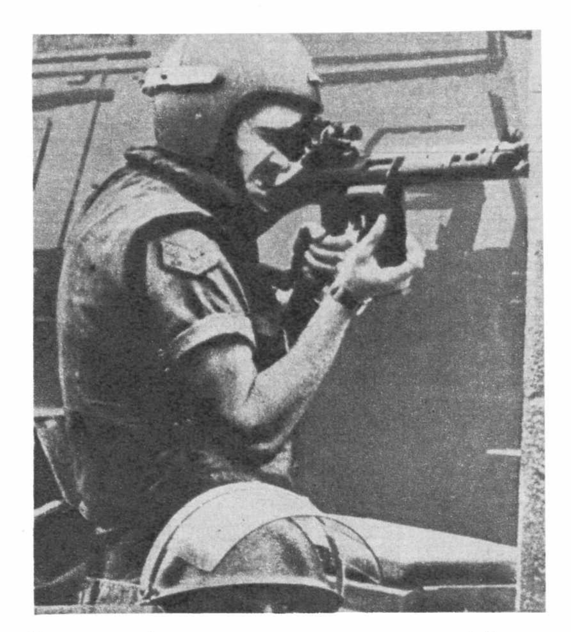
Уже обогащенный опытом, размышляя о пройденном пути, он сформулировал свое кредо точно и твердо: «Для меня бесспорно, что реализм, как основной принцип искусства, был и остается той живительной почвой, землей, прикосновение к которой давало и дает искусству, как Антею, новые и новые силы».

Крупнейший мастер своего времени, кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени, народный художник РСФСР, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, лауреат Государственной премии, он оставил огромное творческое наследие.

Евгений Лансере умер 13 сентября 1946 года, работая едва ли не до последнего часа.

Его жизненный путь славен и поучителен. Выйдя из среды рафинированной творческой интеллигенции, мастер отдал все силы служению народу, отдал Родине весь талант, которым так милостиво наделила его судьба.

КРОВЬ И СЛЕЗЫ ОЛЬСТЕРА

Эти английские солдаты готовы в любой момент «навести порядок» в Белфасте.

Фото Камера Пресс-ТАСС.

Вечерние сумерки наступают в Белфасте быстро. Еще недавно по улицам двигалась толпа прохожих, шумели автомобили. Но вот скрылось солнце, захлопнулись двери офисов и магазинов, улицы мгновенно опустели. Вместе с темнотой наваливается тишина. Напряженная. Тревожная. Лишь изредка раздаются шаги патрулей да тарахтят броневики с английскими солдатами. В этой звенящей тишине особенно отчетливо слышны взрывы или автоматные очереди.

Не проходит дня, чтобы газеты не сообщали о новых актах насилия в Северной Ирландии. Обстановка обострилась особенно в последнее время. Около города Ньюри вооруженные люди захватили товарный поезд и, заложив динамит в тепловоз, взорвали его. В Дерри взрыв повредил железнодорожную станцию. У городка Кроссмаглен взлетели на воздух три мачты высоковольтных линий электропередач. В Белфасте одна за другой были взорваны четыре бомбы. Особенно напряженная ситуация сложилась в графстве Арма, где протестантские экстремисты то и дело провоцируют вооруженные конфликты, жертвами которых становятся католики.

С февраля нынешнего года в провинции действует так называемое «перемирие».

И тем не менее за этот период в Ольстере убито более 160 человек, в основном католиков. А за все годы кризиса в Северной Ирландии убито 1 300 человек и свыше 13 тысяч ранено.

Юнионистские «ультра» распоясываются все больше. Они не желают мира, ибо тогда откроются возможности для объединения сил рабочего класса Ольстера, расколотого ныне по религиозному признаку. А это не отвечает интересам хозяев североирландской экономики и земельной аристократии. Вот почему протестантские «ультра» усилили террор против борцов за гражданские права.

После многочисленных отсрочек в Белфасте состоялось заседание конституционного конвента Северной Ирландии. Он должен был разработать предложения о политическом устройстве Ольстера как автономной провинции. На первом же заседании коалиция протестантских крайне правых группировок заявила, что она не согласится ни на какое участие католического меньшинства в будущем органе по управлению Северной Ирландией. Другими словами, защищается старая политика дискриминации католического меньшинства. А ведь именно она привела Ольстер в состояние вооруженной борьбы.

Более того, протестантские «ультра» предъявили Лондону нечто вроде ультиматума: либо согласие с позицией юнионистов в конвенте, либо в ход будут пущены полувоенные формирования протестантов. Причем террористическая деятельность этих отрядов практически и не прерывалась.

...Этого 18-летнего паренька из католической семьи схватили в очередной облаве. Завезли в полицейский центр Кастгери в восточной части Белфаста и там стали избивать. По голове, по животу. От ударов он почти потерял слух. Полицейские грозились привязать к его ногам камни и утопить в реке или отдать на растерзание «Ольстерских добровольческих сил» — еще одной бандитской организации ультраправых. В итоге мальчик не выдержал, разбил окно и пытался перерезать себе вены стеклом. В больнице ему наложили одиннадцать швов на одной руке и семь — на другой. Полицейский офицер предупредил: если он расскажет обо всем, что с ним произошло, то будет убит.

Тем не менее история эта стала достоянием гласности. Католический священник Деннис Фол, поведавший о ней, потребовал от властей расследования. А временное крыло ИРА объявило, что оно больше не распространяет объявленное им прекращение огня на полицейские формирования. Лондон же, со своей стороны, поспешил взять их под свою защиту. Министр по делам Северной Ирландии Мерлин Рис заявил «о полной подготовке» этих полувоенных полицейских сил и признал их работу «отличной».

Одновременно английскими властями была применена уже отработанная тактика — усиление репрессий. После заседаний с премьер-министром и встречи с лидером правых юнионистов в парламенте М. Рис отправился в Белфаст, где провел совещание с руководителями английской армии и полиции. В итоге вновь начались широкие аресты католиков-республиканцев, допросы и заключение под стражу без суда и следствия. В Ольстер было направлено подкрепление, что довело численность английских солдат в провинции до 15 тысяч человек, и это не считая 4 тысяч 600 полицейских, 5 тысяч резервистов и 7 700 солдат «полка обороны Ольстера», руководят которыми правые юнионисты. Короче говоря, упор, как и прежде, делается на военное решение ольстерского кризиса.

К чему приведет этот путь, по которому так упорно продолжает шагать Лондон? Здешние наблюдатели говорят, что «перемирие», продолжающееся девять месяцев, теперь висит буквально на волоске. Если оно сорвется, то за ним последуют новые кровавые столкновения, и Ольстер окажется в трясине гражданской войны.

А есть ли выход? Конечно, есть. На него неоднократно указывали борцы за гражданские права в Северной Ирландии, прогрессивная общественность Англии. Он состоит в отказе от политики репрессий, отмене в провинции антидемократического законодательства, принятии билля о правах для всего населения. Только осуществление таких мер может вывести провинцию из трагичной ситуации.

А пока над Ольстером царит ночь. Да звучит гулкое эхо выстрелов.

Олег ВАСИЛЬЕВ

Лондон (по телефону).

«СТЫКОВКА» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Закончилось пребывание в Советском Союзе астронавтов Томаса Стаффорда, Дональда Слейтона и Вэнса Бранда.

— За эти две недели мы преодолели огромное расстояние. Повсюду нас встречали с исключительной теплотой,— сказал на встрече с журналистами командир космического корабля «Аполлон» генерал Томас Стаффорд.— С неослабевающим интересом мы знакомились с вашей обширной страной, жизнью советского народа. На меня, повторяю, произвели большое впечатление масштабы обновления в ваших городах. Это мнение разделяют и остальные мои коллеги, а также наши семьи.

Делясь своими планами на будущее, генерал Стаффорд рассказал, что в ноябре принимает командование над крупной американской испытательной базой ВВС, где будет испытываться новый аппарат, так называемый «челнок», необходимый для спускаемого корабля многократного действия.

— Во всех четырех космических полетах, в которых я участвовал, наши корабли запускались с помощью огромных ракет, а опускались мы на Землю в небольшой капсуле. Мы надеемся, что с помощью корабля многократного действия, который США намерены создать через пять лет, мы сможем запускать на орбиту нужные полезные грузы и возвращать их на Землю, как на обычных самолетах. Использование кораблей системы «Шатл», по мнению специалистов, уменьшит расходы на космические полеты.

Больше двух с половиной месяцев прошло после успешного окончания программы работы героических экипажей первого международного космического полета.

Командир экипажа «Союз-19» дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации Алексей Архипович Леонов рассказал, что вся программа «Союз — Аполлон» полностью выполнена...

— Разумеется, самым главным был эксперимент по сближению и стыковке космических кораблей при помощи новой андрогинной стыковочной системы,— отметил он.

Алексей Архипович вспомнил, как восемнадцать лет назад во всех странах мира было произнесено русское слово «спутник».

А. А. Леонов сказал:

— И, наверное, никакой провидец в то время не смог бы предугадать характер пресс-конференции, которая произойдет в этом зале через восемнадцать лет и на которой будут присутствовать экипажи международной орбитальной станции, созданной двумя космическими кораблями, запущенными из Соединенных Штатов Америки и Советского Союза.

Обработанные материалы показали ученым, что все запланированные эксперименты были выполнены отлично.

Алексей Архипович показывает свой рисунок «солнечного затмения», сделанный им после эксперимента с тем же названием.

— Что касается эксперимента «Универсальная печь», то и здесь получены очень важные результаты,— говорит дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Валерий Кубасов.— Подтверждено, в частности, что в невесомости можно получать полезные сплавы металлов с различным удельным весом. Результаты исследований говорят о том, что в будущем мы, несомненно, сможем развивать на орбите космическую технологию и научимся создавать материалы и сплавы с уникальными свойствами, которые нельзя получить на Земле.

Полная обработка материалов, которая позволит ученым подвести окончательные итоги полета «Союз — Аполлон», еще впереди.

Американские астронавты ждут в гости своих советских космических коллег. Две недели пробудут в США Алексей Леонов и Валерий Кубасов.

— Мы с большим нетерпением ждем приезда советских космонавтов в США,— говорит Вэнс Бранд.— Я лично надеюсь, что мы посадим и в США молодые деревца, и они станут добрым предлогом, чтобы еще раз побывать в нашей стране и увидеть плоды своих трудов...

И под аплодисменты зала заканчивает:

— Когда космонавты прибудут в США, также знаменательный день — это день открытия Колумбом Америки.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

А. А. Леонов показывает свой рисунок «солнечного затмения». Фото И. Гаврилова.

На сенокос — с песней.

Распределяет участки главный лесничий И. А. Софронов.

Идет уборка клевера.

Лесные патрули.

Кандидат сельскохозяйственных наук Дмитрий Григорьевич Мельник — опытный наставник юных мичуринцев.

ЗЕМЛЯ

Марат ЦЕБОЕВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ

Сорок тысяч и три миллиона. Эти два числа заставляют призадуматься. Первое означает количество ученических производственных бригад в стране, второе — число школьников, работающих в этих бригадах. Три миллиона! Огромная армия юных помощников земледельцев вносит весомую лепту в производство сельскохозяйственных продуктов.

Марийская АССР — республика небольшая. Ученических бригад здесь около двухсот пятидесяти. Самая первая бригада была создана семнадцать лет назад в Кузнецовской средней школе Горномарийского района.

— В нашем колхозе семь комплексных бригад,— говорит Виталий Иванович Ефимов, председатель колхоза «Дружба», бывший член ученической производственной бригады.—Восьмой бригадой мы считаем ученическую. Сами посудите, в летнее время школьники выполняют около двух третей всех немеханизированных работ.

Мы узнали, что практика у ребят круглый год. Зимой защищают плодовые деревья от грызунов, весной обрезают ненужные побеги. Операция, кстати сказать, не простая. Обучают этому руководитель ученической бригады преподаватель биологии Валерий Алексеевич Патеев и главный агроном Ананий Дмитриевич Лебедев. В мае начинается обработка приствольных кругов, посадка картофеля.

У Ирины Молчановой должность ответственная — первый помощник лесничего.

И ТЕНЬ ЕЕ ЛЕСОВ

Нужно отметить, что все главные специалисты в колхозе «Дружба»—выпускники Кузнецовской средней школы и бывшие члены ученической бригады. А животноводов, трактористов, шоферов, слесарей, в общем, тружеников всех специальностей — сотни. И все они с благодарностью вспоминают об «упэбэ», о замечательном директоре школы Трифоне Васильевиче Арисове, о завуче по воспитательной работе Феоктисте Григорьевиче Скворцове и других учителях. Нынешние мальчики и девочки из ученической бригады — надежда колхоза, его будущие квалифицированные кадры.

В этом же районе в Усолинской средней школе преподает биологию и ведет мичуринский кружок Дмитрий Григорьевич Мельник, кандидат сельскохозяйственных наук, заслуженный агроном Марийской АССР. Под его руководством школьники выращивают овощи, работают в поле, в яблоневом саду, в теплице, занимаются опытничеством — испытывают различные сорта картофеля, черной смородины, изучают зимостойкость яблонь, наблюдают за ростом побегов особых сортов винограда. Все это не только приучает к исследовательской работе, что само по себе очень ценно, но и приносит пользу хозяйству. А одна тема с мудреным для неспециалиста названием «противоэрозийная роль корневой системы яблонь, ее архитектоники (строения), динамики роста активных корней в течение вегетативного периода» представляет научный и практический интерес. Дело в том, что на территории Горномарийского района, изрезанной бесчисленными оврагами и подверженной водной эрозии, существуют тысячи гектаров неосвоенных земель. Они пригодны для выращивания плодовых деревьев. Ребята старательно проводят здесь опыты, выясняя, как лучше приостановить разрушение. Они верят, что в недалеком будущем на землях этих вырастут сады.

...На одном из поворотов трассы Йошкар-Ола — Казань висит табличка с надписью «Мочалищенское школьное лесничество». За хорошую работу на Всероссийском смотре оно премировано оборудованием для биологического кабинета.

Территория, которую доверили юным лесникам, немалая — 800 гектаров смешанного леса: береза, ель, осина, дуб, пихта, клен, ольха...

Это — дело большой, можно сказать, государственной важности. У ребят своя форма: темная фуражка с эмблемой, знаки различия.

Работают здесь четыреста двадцать учащихся — с четвертого класса и по десятый. Выращивают в питомнике лесопосадочный материал, сажают саженцы, ухаживают за деревьями, собирают лекарственные травы, расчищают горельники. Интересная работа, всем нравится. А еще приятно то, что им, ученикам, доверили охранять и беречь зеленые богатства родного Звениговского района.

Сегодня ребята любят землю и лес, завтра станут их хозяевами.

ЖИЗНЬ РЕ

Встреча с жизнью яркой, но короткой всегда печальна. И чем прекраснее была эта недолгая жизнь, тем тягостнее осознание ее внезапного конца. Но глубокая грусть, как известно, взывает и к размышлениям глубоким. О мере добра и зла, о непреходящей ценности жизни, отданной за счастье народа, за свободу и справедливость. Именно эти размышления, а не послушное ведение рассказа вслед за документальной канвой биографии известного человека легли в основу нового романа Сергея Сартакова «А ты гори, звезда». В нем писатель предпринял художественное исследование жизненного пути одного из самых первых и стойких борцов ленинской гвардии И. Ф. Дубровинского.

Задача подобного исследования необычайно трудна. Ответственность за тему нередко перерастает в робость, сковывает авторскую волю, и только глубочайшее знание исторического материала позволяет писателю обрести свободу в художественном обобщении фактов. Есть и другая трудность. Эпоха развития революционного движения в России, ее герои, политическая атмосфера достаточно освоены советской литературой. В тесноте проложенных дорог надо, не поддаваясь соблазну оглянуться по литературным сторонам, прокладывать свою, нехоженую. Сергей Сартаков в новом произведении остался верен себе, своей внутренней теме, и это помогло преодолеть препятствия, ожидавшие автора исторического романа.

Собственное мировосприятие всегда влекло С. Сартакова на поиски хорошего человека как в нашем современнике, так и в истории. Для автора «Хребтов Саянских», «Козьей морды», «Барбинских повестей», «Философского камня» хороший человек — высокая нравственная категория, в свете которой он как бы проверяет каждый свой персонаж, даже третьестепенный.

С такой пробы, с такой проверки характера на прочность заложенного в нем от природы чувства справедливости и начинает С. Сартаков роман «А ты гори, звезда».

Юный народолюбец, ученик реального училища, в голодный холерный год отправляется спасать «младшего брата» крестьянина от эпидемии, голода, нищеты. Немногого добивается он вместе с фельдшером и земским врачом, а итог добровольной подвижнической деятельности просто ужасен. В селе поднимается бунт, но не против угнетателей, нет— против спасителей, против тех, кто сознательно пришел жертву принести ради нищего, забитого русского крестьянина... Так стоит ли того этот народ, чтобы вступать за него в борьбу? Надо ли заранее обрекать себя на тюрьмы, каторгу, может быть, виселицу... а за кого? За тех мужиков, что избили тебя до полусмерти, закидали каменьями.

Да, надо. И именно за них, за тех самых мужиков, отчаявшихся в беспросветной нужде, а потому не ведающих, что творят,— бесповоротно решает для себя юноша, совсем подросток Иосиф Дубровинский.

Несколькими годами раньше эти же вопросы, но чисто умозрительно ставит перед собою другой прекраснодушный подросток, Сережа Зубатов. Сережа умен от природы и проницателен, но душою слаб. Раз плетью обуха не перешибешь, так надо служить обуху. Верой и правдой, как говорится. И Сережа идет в услужение к обуху. Именно с этого момента, как точно сумел увидеть и показать писатель, цинизм стал главной, определяющей чертой Зубатова и зараженной им атмосферы.

Страшна картина русской жизни в момент эпидемии холеры. Но еще страшнее картина духовной эпидемии трусости и предательства, разразившейся над страной. «Добавлением к обычной полиции, «блюстительнице порядка»,— пишет С. Сартаков,— сделался Отдельный корпус жандармов и окутанные особой тайной охранные отделения... Донос стал почитаться проявлением истинного патриотизма. Скрытное хождение по пятам, именуемое «филерством», превратилось в профессию. А осквернение чистого слова «товарищ» путем двоедушного провокаторства оказалось столь высшим видом «служения отечеству», что одарялось с особой щедростью».

Трудно устоять в борьбе с этой мрачной силой. Не каждый мог выдержать. И иные пер-

Сергей Сартаков. «А ты гори, звезда». «Октябрь», 1974. №№ 4—6; 1975. №№ 1—3.

В ОСОБОМ МИРЕ БАЛЕТА

Марина СЕМЕНОВА, народная артистка СССР

Балет — это свой мир. И то, что видит зритель на сцене,— лишь часть его. Самая праздничная, красивая, всегда готовая подарить неожиданность. Но в нем все закономерно. И прямое подтверждение неумолимой этой закономерности то, что сегодня в ряду лучших балерин стоит имя солистки Большого театра народной артистки СССР Раисы Стручковой.

Она ярко пришла на сцену. Как воплощение юности, ее красоты, свежести, лукавства. Мне очень нравилась ее миниатюрность, прекрасная линия шеи, рук. Ведь для балерины зрительный облик — во многом будущий образ. С первых же шагов на сцене ясно было, что у этой одаренной танцовщицы большое будущее. Театр открывал ей самые разнообразные возможности, чтобы отточить, углубить дарование. Стручкова быстро входила в репертуар, прекрасно справляясь с самыми разнородными партиями. Золушка в балете С. Прокофьева и Мария в «Бахчисарайском фонтане» Б. Асафьева, Жизель А. Адана и Одетта — Одиллия П. И. Чайковского, Параша в «Медном всаднике» Р. Глиэра и Китри в «Дон-Кихоте» Л. Минкуса... При том, что все ожидали от танцовщицы главных успехов в амплуа лирической героини, она уверенно завоевывала право на партии трагедийного плана. Привносила в них свое, новое. И всегда чувствовала себя — уже тогда, в начале пути — на своем месте. Видно было, что она ощущает то исполнительское удобство, которое дает свободу творчества балерине.

Успешное начало — это большое испытание. Зрелость требует уже не ярких вспышек юности, а глубокой гармонии в творчестве художника. Стручкова прошла путь, присущий каждому большому таланту. Жизнь нагружает художника эмоциями, жизненным опытом, творческой фантазией; он обогащается внутренне. И эта насыщенность собственного духовного мира переходит к сценическим образам. Гармоничность, цельность героинь Стручковой — во многом черты ее

ВОЛЮЦИОНЕРА

сонажи романа так и не стали его героями. Автор простился с ними без сожаления: они не достойны звания «хороший человек».

Чтобы утвердить себя в этом звании, считает С. Сартаков, нужна глубочайшая революционная убежденность в единственной правоте, правоте своего дела, нужна незаурядная духовная крепость; в одиночку не победить — только партия, целая партия единомышленников способна поднять народ на борьбу за освобождение. Так простая нравственная категория обретает классовый, партийный характер.

Характер И. Дубровинского, главного героя романа, бойца революции, развивается по мере развития самой революционной борьбы в России. Становление его личности происходит на фоне становления марксистской партии. А процесс это был действительно сложный и неоднозначный, о чем свидетельствует хотя бы такой эпизод. В один прекрасный момент И. Дубровинский вдруг узнает, что вместо борьбы он втянут в склоку и его роль в ней весьма неблаговидна. Оказывается, кооптация в ЦК РСДРП, которой он так гордился, незаконна: меньшевики, зная его примиренческую позицию, протащили кандидатуру Дубровинского против воли Ленина; оказывается, долгое время изо всех сил пытаясь примирить товарищей по партии, он действовал против партии.

С. Сартаков не склонен здесь приукрашивать факты, тем более мало известные читателю. Доскональное знание исторического материала позволяет ему правильно расставить идеологические, психологические акценты.

В этой связи можно привести еще один достаточно яркий пример. Действительная роль небезызвестного Гапона в событиях 1905 года мало кому ясна и посейчас. Разоблачение его как провокатора наложило свою печать на восприятие «кровавого воскресенья». И сегодня многим кажется, что петиция рабочих к царю — дело рук охранки. На деле же было не так: вознесенный своим успехом в рабочих кружках и собственным непомерным тщеславием, Гапон на какое-то время стал неуправляем для тайной полиции. А события, ждавшие малейшего толчка со стороны, вовлекли самоупоенного священника на самую стремнину своего течения. Внезапная известность, слава добивают некрепкий характер сладострастного, трусливого политического авантюриста. Он неизбежно возвращается «на круги своя», то есть в охранку.

Фигура Гапона в романе на первый взгляд кажется несколько гротескной, но воспоминания его спутника тех дней эсера П. Рутенберга, а также другие документы свидетельствуют, что писатель не отступил от исторической правды.

Подлинным вождем восставшего народа встает со страниц книги РСДРП, ее большевистская фракция. Дубровинский и его товарищи по партии все время на самых опасных участках. «Иннокентий» (партийная кличка И. Дубровинского) одним из последних уходит после разгрома революционного выступления моряков в Кронштадте, до самого конца руководит он борьбой рабочих во время декабрьского вооруженного восстания в Москве. Здесь особенно ясной становится идея романа, сформулированная самим автором в журнале «Вопросы литературы»: «И. Ф. Дубровинский в романе, в революции — это как бы кусок жизни и борьбы всей партии».

В центре повествования второй книги романа «А ты гори, звезда» — образ В. И. Ленина. Писать его трудно. Думается, С. Сартаков нашел правильный путь к решению этого образа. Владимир Ильич в постоянной борьбе, он дискутирует, спорит — убежденно, страстно, зло. Автор сумел уловить и воспроизвести особенности стиля полемических статей В. И. Ленина, их неумолимую логику и волю, упорную целеустремленность. Жесткая принципиальность Ильича, готового порвать всякие отношения с ближайшими друзьями, если эти друзья отступают от единомыслия и единодействия, а значит, от партии, от революции, раскрывается во взаимоотношениях Ленина с Богдановым, Зиновьевым, Шанцером.

В спорах с Лениным оппоненты его упрямо отстаивают свою точку зрения и в увлечении напрочь забывают о том, как они оказались в эмиграции, ради чего они ведут борьбу в изгнании: своя точка зрения заслоняет главную цель. Ленин живет только одним — пролетарской революцией в России. Каждое слово, им произнесенное, подчинено делу партии. Внутрипартийные дискуссии, на посторонний взгляд кажущиеся беспредметными спорами, в оценке Ильича обретают свой подлинный смысл: «А мы там все-таки идейно разбили наголову и ликвидаторство и отзовизм и приняли обязывающую резолюцию о борьбе на два фронта. Добьем теперь и практически! Очистим партию!.. Все это в России доведем до рабочих масс, они воочию должны увидеть, что через все эти накипи развитие партии, социал-демократического — революционного! — рабочего движения неуклонно идет и идет вперед».

К сожалению, в бытовых сценах образ Ленина написан не столь ярко. Вдруг как-то тяжелеет, окаменевает язык автора, чувствуется скованность. В целом же главы, посвященные вождю, несомненно, займут свое место в советской литературной Лениниане.

Финал романа написан в тоне оптимистической трагедии. Едва перейдя границу Российской империи для восстановления разгромленных партийных организаций, Дубровинский вновь попадает в лапы охранки. (Следует заметить, что в конкретных эпизодах схваток революционеров с охранкой книга страдает некоторой нечеткостью. Разоблачения провокаторов происходят где-то «за сценой», безо всякого участия самих социал-демократов. А это и исторически и художественно неубедительно.)

Ссылка. На этот раз в Туруханский край. Оттуда пути нет. Туберкулез исподволь сделал свое дело. Все меньше сил, все меньше надежд выбраться живым из сибирской мглы. Но ветры последней для героя туруханской весны приносят новые вести из России: растет и ширится рабочее революционное движение, партия очистила свои ряды от ликвидаторов и отзовистов. Да, жизнь иссякла до конца, но борьба продолжается.

М. ХОЛМОГОРОВ

Раиса Стручкова в спектакле «Жизель».

Фото Е. Умнова.

собственной натуры. Мастерство, изящество, музыкальность делают танец индивидуальным, создают собственный стиль; я не помню, чтобы Стручкова ошибалась в решении роли, и, как балерина, знаю, какая огромная работа стоит за этим. Не помню, чтобы когда-нибудь на сцене она «играла» в искренность.

Вот, пожалуй, главное в Стручковой-актрисе — неподдельная искренность. Это сущность ее творчества. Она всегда естественна, непосредственна в своих эмоциях.

Сцена проявляет актера. Трудно сыграть доброту, если нет ее в душе, трудно не верить своей героине... И, хотя прямые аналогии всегда несколько упрощают картину, мне думается, что в героинях Стручковой зрителя привлекают именно неподдельность чувств, душевная щедрость их творца, созидательницы. Она добрый и верный человек.

Через всю свою жизнь, с первого урока в хореографическом училище и по сей день, пронесла актриса прекрасное чувство уважения к своему педагогу — Елизавете Павловне Гердт. Для Стручковой она всегда Учитель, при том, что балерина никогда не ограничивала себя рамками ее суждений. Преданность Учителю сохранила Раиса Степановна и в годы успеха, признания, славы.

С детских лет началась дружба Раисы Стручковой и Александра Лапаури. И прекрасный их союз — жизненный, сценический — стал примером истинного творчества, единства. Недаром весь мир рукоплескал их блистательным дуэтным номерам; такой станцованностью, таким единым ощущением движения обладают очень немногие балетные пары.

Балет — искусство трудоемкое. И народная артистка СССР Раиса Степановна Стручкова сегодня, как и в первые дни своей сценической карьеры, работает в репетиционном зале, чтобы не отставать от возраста своего творчества. А творческое состояние не покидает актрису никогда. Это, на мой взгляд, главное. И для сцены и для педагогики.

Как каждая большая балерина, Стручкова накопила огромный опыт. Сегодня она передает его студентам балетмейстерского отделения ГИТИСа имени А. В. Луначарского. А рядом с репетициями, лекциями, спектаклями — большая и ответственная общественная работа. Стручкова — член Комитета по Ленинским премиям, член ЦК профсоюза работников культуры.

В этом процессе творческой самоотдачи — зрителям, товарищам по искусству, студентам — та же гармония, что пронизывает всю жизнь балерины Раисы Стручковой.

ТВОИ БОГАТСТВА, КАРЕЛИЯ!

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА

В памяти останется вечнозеленый кружевной ландшафт с бесчисленными голубыми озерами. В их спокойном блеске отражаются вековые деревья, окаймляющие берега. Мой собеседник, карел, уверяет, что озер и рек в Карелии не меньше сорока тысяч и каждое несравненно, каждое имеет свой, неповторимый рисунок: одни — широкие, с низкими, заболоченными берегами, другие лежат среди усыпанных валунами холмов, третьи зажаты скалами.

А реки? Они пересекают Карелию во всех направлениях. То спокойны их плесы, то вдруг встают на пути каменистые гряды, беспорядочно разбросанные валуны, возникают перекаты, пороги и даже водопады.

Природа щедро одарила республику не только водой и лесом, но и многими полезными ископаемыми. В последнее время внимание металлургов привлекает Костомукшское железорудное месторождение — самое известное на северо-западе нашей страны. Туда можно добраться только на вертолете, но скоро хорошие дороги протянутся к будущей стройке горно-обогатительного комбината в Костомукше. Карелия сейчас выпускает три с половиной тысячи видов продукции: древесину, тракторы, пиломатериалы, бумагу, картон, мебель, бумагоделательное оборудование. Карелия — крупнейший центр целлюлозно-бумажной промышленности. Она вырабатывает шестую часть всей и третью часть газетной бумаги, половину бумажных мешков. Республика славится своими облицовочными материалами. Гранитом, мрамором и малиновым кварцитом украшены Мавзолей В. И. Ленина, могила Неизвестного солдата в Москве, столичные станции метро, облицованы дворцы, набережная в Ульяновске.

Карелия молода... Средний возраст населения республики — двадцать девять лет.

За годы пятилетки из ворот Онежского тракторного завода вышло множество разных лесных машин. Не менее половины их сделано руками молодежи.

На Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате флаг соревнования подняла комсомольско-молодежная бригада Леонида Юрьева. Дав слово изготовить сверх пятилетнего задания более пяти тысяч тонн бумаги, она обратилась к коллективу своего предприятия и к родственным — Балахнинскому и Соликамскому — комбинатам с призывом: «Десять ударных месяцев — трудовой подарок XXV съезду КПСС». Те, кто добьется наивысших показателей, получат право поставить свою подпись в трудовом рапорте Ленинского комсомола съезду партии.

В республиканских газетах нередко упоминается имя Виктора Леонтьева — бригадира комплексной бригады Поросозерского леспромхоза. Мы встретились с Виктором на лесной делянке.

Виктор родился в небольшой карельской деревушке Юрк-острове, Кондопожского района. Мог бы пойти работать и на Кондопожский комбинат. Но сказалась любовь к лесу. Шестнадцатилетним парнем, окончив восемь классов, он стал рабочим в лесничестве. Отсюда его проводили в армию. После службы Виктор вернулся в лес: работал автослесарем, кузнецом. Однако мысль стать лесорубом не покидала его.

— Мне повезло,— рассказывает Леонтьев.— В хорошие руки попал. Моим наставником был Герой Социалистического Труда Василий Иванович Селищев. Он относился ко мне, как к родному сыну. У него я стажировался, перенимал опыт, осваивал профессию вальщика леса, изучал и осваивал новую технику...

В тот день, когда мы приехали в Петрозаводск, там проходил пленум Карельского обкома партии. С начала пятилетки перевыполнены задания по вывозке древесины, производству тракторов, пиломатериалов, бумаги, картона, мебели, бумагоделательного оборудования, целлюлозы... Коммунисты критически оценивали проделанное, намечали пути устранения недостатков в отдельных отраслях промышленности.

На пленуме я услышал, что неплохо трудятся олонецкие лесорубы: на их счету свыше ста тысяч кубометров леса, вывезенного сверх плана. Я поехал к ним. Олонецкие леса мне особенно близки. Летом сорок первого года в этих лесах я принимал воинскую присягу. В карельском селе Сяньдеба произошло мое боевое крещение. В Верхне-Олонецком леспромхозе трудится близкий мне человек — Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета КАССР Федор Федорович Кошкин. С ним я познакомился осенью шестьдесят девятого года. Он возвращался после отдыха из Крыма, я летел на его родину по заданию редакции. Помнится, как на мой вопрос об отдыхе он ответил:

— Море — это здорово, но соскучился без настоящего леса!

Интересно, как живет, как сейчас работает Федор Федорович?

Спидометр отсчитывает и отсчитывает километры. Дороги в Карелии хорошие. Асфальтовые полосы, то прямые, то извилистые, бегут сквозь густые чащи. А вот и дорожный указатель: «Олонецкий район».

Верхне-Олонецкий поселок появился неожиданно, словно выскочил на дорогу из леса. Опрятные многооконные деревянные домики. На крышах телевизионные антенны. Афиша сообщает о новых кинофильмах. На улицах людей не видно: все на работе.

У входа в контору леспромхоза фотогалерея ударников. Напротив, на другой стороне улицы, объявление: «Ф. Ф. Кошкин обязался заготовить 40 тысяч кубометров древесины!»

И вот мы с Федором Федоровичем сидим у него дома, в просторной комнате.

— Вас уже можно поздравить с выполнением девятой пятилетки?

— Спасибо! Но еще много работы впереди... Карелия не бездонная бочка — надо разумней использовать лесные богатства. Наш лес — это прежде всего сырье для карельской целлюлозно-бумажной промышленности. Нельзя же допустить, чтобы через несколько десятилетий для нее пришлось завозить лес из других областей. Не менее важная проблема — это бережно, комплексно использовать леса, от корней до крон. Короче говоря, каждую ветку — в дело! Нам нужны машины разные, механизирующие все процессы не только на заготовке древесины, но и на ее переработке. Вот сейчас хвалят «ТБ-1». Очень хорошая, полезная машина. Их в республике свыше двухсот, а в нашей бригаде ни одной. Да и сучкорубы еще не расстались с топорами.

В бригаде Кошкина отменным вальщиком леса был Леонид Федотов. Сейчас он в одном из самых механизированных леспромхозов.

— Молодежь любит технику,— говорит Федор Федорович.— И мы радуемся этому. За молодежью — будущее.

●

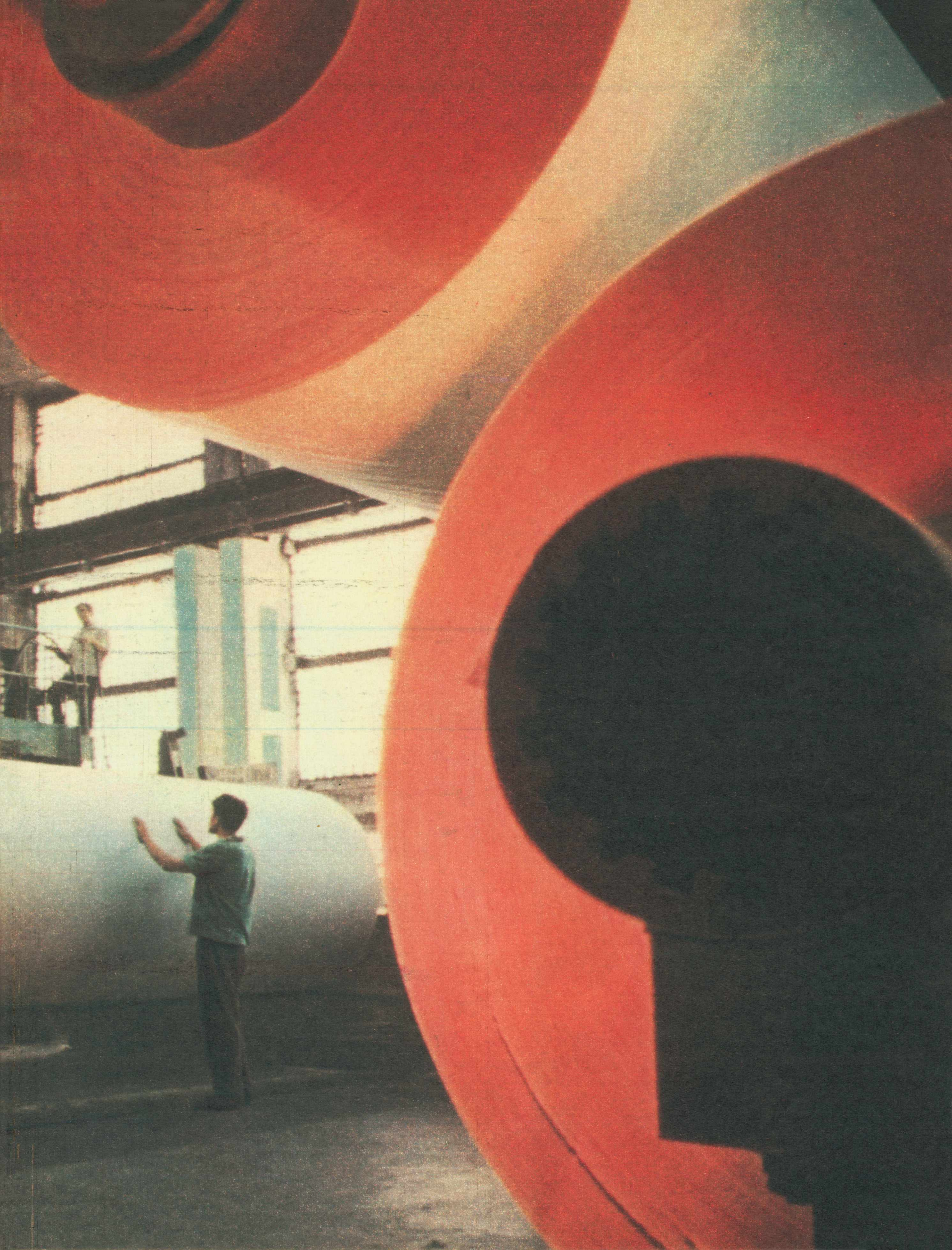
Виктор Леонтьев возглавляет комплексную бригаду Поросозерского леспромхоза. * Онежский тракторный завод. Отгрузка трелевочных тракторов.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Юность Петрозаводска. * Кондопожский ордена Ленина целлюлозно-бумажный комбинат — крупнейший в стране.

Константин **ВАНШЕНКИН**

ИЗ ЛИРИКИ

●

Я очнулся. За окном
Прогибалась мостовая.
Это падающий гром
Длился не переставая.

Белым светом, как во сне,
Озаренная округа.
Это молнии в окне
Зажигались друг от друга.

ГРИБНИК

Он березовой палкой своею
Все ширял под кустами кругом
И, ее отставляя скорее,
Нагибался за белым грибом.

И негаданно, около балки,
Был окликнут — да так, хоть завой! —
Слабым стоном березовой палки,
Прислоненной к березе живой.

ЭТИ ДЕТИ

Словно созданы давней былиной,
Не желая выдерживать ГОСТ,
С быстротою, почти тополиной,
Эти дети ударились в рост.

Длинноноги и длинноволосы,
Не хотят оставаться в тени,
Но они задают нам вопросы,
Ибо все-таки дети они.

И однако, к чему кривотолки,—
Низковаты для них потолки,
И, конечно, вагонные полки
Оказались для них коротки.

ОБУЧАЮ ИГРЕ НА ГИТАРЕ

Мы к друзьям совершаем визит,
О другом и не думая даре.
Объявленье в подъезде висит:
«Обучаю игре на гитаре».

И прихлынула к сердцу волна,
И струна загудела витая,
За распахнутой створкой окна
В переулках вечерних витая.

Вы простите, но сам я не рад,
Я сегодня как будто в угаре.
Десять раз повторяю подряд:
«Обучаю игре на гитаре».

Я не знаю, как жил до сих пор,
Это все ни на что не похоже.
Лишь послышится струн перебор,
И тотчас же — мурашки по коже.

Мелкий дождик весь день моросит,
Лужи круглые на тротуаре.
Объявленье в подъезде висит:
«Обучаю игре на гитаре».

Обрывается с крыши струя,
Листья падают — чет или нечет.
И, прислушайтесь: это моя
Осторожно гитара лепечет.

Вам понравилось или вы так?
Или, может, я, правда, в ударе?
Написал же какой-то чудак:
«Обучаю игре на гитаре».

●

Художники в широком смысле —
Поэты, трагики, певцы,—
Одни довольно быстро скисли,
Другие, право, молодцы.

На арфе, или же на лире,
Иль красками на полотне...
Но что бы там ни говорили,
Мы с вами родственны вполне.

Одна судьба, одна задача —
Рисуй, играй или пиши,
Но непременно что-то знача
Для человеческой души.

НАЧАЛО

Еще не став, по правде, в строй,
Вдали от поля брани,
Переменили облик свой
Мы в гарнизонной бане.

Там старшина решал судьбу:
Взамен цивильной пары
Он гимнастерку дал «б/у»
И с нею шаровары.

Я выбрал обувь, глядя вниз,—
Чиненные подметки.
А вместо глянца голенищ
Я накрутил обмотки.

Но если есть иная цель,
На это не пеняйте...

Лишь необмятая шинель
Колом на лейтенанте.
А мы — в полях родной земли
Во всем стояли старом.

Как будто мы уже прошли
По европейским странам.

●

Бросками мерил первопуток,
В сугробах спал, в болотах мок.
Свою шинель по десять суток
Порою высушить не мог.

Однако шла война покуда,
Все мысли были об одном,
И ни малейшая простуда
Не приставала под огнем.

Вполне понятно было это.
А что до язвенных больных,
Войны невольная диета
Шутя вылечивала их.

Недавно вспомнил в разговоре,
Как, все отчетливей видны,
Вдруг проступили наши хвори
По окончании войны.

ПОСЛЕ ЗАСУХИ

После засухи такой,
Иссушавшей даже слезы,
Опустили за рекой
Плети желтые
березы.

Обрела земля покой
Только вместе с переменой
После тягостной такой
Засухи послевоенной.

Всем оставшимся в живых,
И здоровым и калекам,
Плеск потоков дождевых —
Будто плыть сквозь сон по рекам.

Сладко женщинам войны,
И дождавшимся и вдовам,
Что поля напоены,
Что воды в колодцах вдоволь.

МЕТЕЛЬ НА ВОЕННОМ КЛАДБИЩЕ

На военном кладбище метель.
И фигуры эти из гранита
Словно бы выискивают цель,
Что в снегу клубящемся сокрыта.

Замело по пояс и по грудь,
Залепило густо их глазницы.
Все равно им виден этот путь —
От Москвы до западной границы.

Женщин речь отчетливо слышна,
Радости былые и обиды.
Только смерть им больше не страшна,
Потому что все они убиты.

И бредут из белой темноты
Силой твоего воображенья,
Да метели длинные жгуты
Создают иллюзию движенья.

Ирина Кийски работает воспитательницей в детском саду тракторостроителей. * Депутат Верховного Совета Карельской АССР, штамповщица Петрозаводской слюдяной фабрики Наталья Моникайнен. * Выступают танцоры народного хора слюдяной фабрики. * «Кижская легенда» — так называется балет, поставленный в Петрозаводском музыкальном театре. * Мастер художественной росписи комбината «Карельский сувенир» Софья Брянцева.

ГРУШЕВАЯ АЛЛЕЯ

Ал. РОМАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

С Виктором Серафимовичем Одинцовым, мастером-краснодеревщиком Московской мебельной фабрики, я встречаюсь в пятый раз за последние пять лет. Но не в Москве, где мы оба живем, а за две тысячи километров от столицы, в облюбованном нами Кисловодске. Как-то так получается, что и он и я, не сговариваясь, берем отпуск в один и тот же осенний месяц, просим путевки в здешние санатории и нежданно-негаданно сходимся на Грушевой аллее.

В самом дальнем уголке Грушевой аллеи стоит под грибком круглая деревянная лавочка, ранней весной покрытая зеленой масляной краской, за лето пересохшей и осыпавшейся. На этой лавочке хорошо посидеть, подремать в жаркие часы курортного дня. Где-то позади, за густым грушевым садом, время от времени в ворота санатория «Красные камни» въезжают автомашины. Множество отдыхающих из других здравниц города, миновав Первомайскую поляну, длинной чередой, с громким говором и шутками поднимаются по каменистому серпантину дороги к туристской тропе и дальше — к «Красному солнышку». А здесь, на Грушевой, всегда тихо. Ущелья вокруг глубокие, густо-зеленые, поросшие кустарником. Тянутся ввысь пирамидальные тополя, стволы которых от самой земли покрыты клейкой листвой. На той стороне, за ущельем,— пансионат «Пикет» с белыми, современного типа зданиями, расположенными над колхозным фруктовым садом; чуть ближе, в глубине ущелья, поднялись корпуса санатория «Стройиндустрия» с красочной мозаикой на стенах, с широкой бетонной лестницей и асфальтированными дорожками. И справа от грибка тоже ущелье, в глубине которого проложена узкая дорога, покрытая гравием и песком. А там, дальше,— Сосновая горка и аллея роз над речкой Ольховкой, надвое разрезающей старинный, хорошо ухоженный, тенистый парк.

Скажу, не таясь, что встречи на Грушевой аллее и мне и, как я догадываюсь, Виктору Серафимовичу доставляли истинное удовольствие своей фатальной повторяемостью.

Меня после первой же встречи потянуло к этому человеку, он сразу пришелся мне по душе: немолодой, но все еще статный рабочий человек, прошедший войну, с выразительным взглядом серых глаз, глубокой складкой на переносице и ямочкой на подбородке. Мне понравилась и его жена, Таисия Петровна, круглолицая русская женщина с красивыми, сильными руками, на которых время оставило свой след.

I

В первый раз мы встретились здесь, на Грушевой аллее, пять лет тому назад. Я, помнится, читал под грибком газету, а жена моя, Елена Григорьевна, отдыхала неподалеку в тенечке. Мы не сразу и заметили, когда подошла эта пара и остановилась над самым обрывом. А когда я поднял глаза, то отметил: люди в возрасте, а как внимательны друг к другу. Не выпуская руку жены из своей руки, он посмотрел на меня так, словно хотел поделиться какой-то важной новостью.

— Вы не будете возражать, если мы пристроимся здесь, с вами рядком, под этим грибочком?— спросил он, и что-то ищущее возникло в его словно бы смущенном взгляде.

— Садитесь, пожалуйста,— сказал я.— Место здесь отличное...

— Верно, очень верно, местечко здесь удивительное,— подхватил он.— Садись, Тасенька, и посмотри, какое здесь местечко...

— Совсем как у нас под Красноярском,— мягко, совсем по-детски улыбнувшись, сказала она.

— Вы из Красноярска?

— Нет, нет,— быстро ответил он.— Мы из Москвы. Как война кончилась — с той поры я все время в Москве... А Тася, представьте, с детьми в Красноярске... До войны-то мы в Стожарах жили... Может быть, слыхали? Витебская область, чудесный край. Жили что надо, с тридцать седьмого по сорок первый, двух детей нажили, только война нас разметала — меня по фронтам и госпиталям, а Тасю с детьми — в самую глубокую Сибирь... Хватила она там горюшка по самый край. И белье стирала в госпиталях и ночным сторожем при ОРСе работала, покуда не выучилась на токаря. А времечко-то шло и шло... Двадцать лет друг друга искали. И только в прошлом году нашлись...

Он вновь взял жену за руку, словно хотел еще раз удостовериться, что она действительно нашлась.

— Простите, а дети?— растерявшись перед такой откровенностью, как-то невпопад спросил я.

— Так они ж с Тасей были, сохранила их, моя голубушка. Вырастила. Что сын, что дочка — люди взрослые. Поначалу вроде и стыдились отца, а только быстро признали, знать, кровь заговорила. Вообще-то белорусы мы, а они настоящие сибиряки: в Красноярске, где выросли, и по сей день работают, у сына уже двое ребят, внуки мои, ну, а дочка, хоть и замужем, а покуда, говорит, рановато... Ну что ж, говорю, подождем... Раз в год у нас в столице гостят, так уж заведено...

— А вы, простите,— спросил он после небольшой паузы,— не из столицы ли?..

Подошла моя Елена Григорьевна, привлеченная рассказом Виктора Серафимовича, мы представились, женщины очень быстро разговорились и вскоре уже медленно прохаживались по дорожке возле грибка.

В то первое лето нашего знакомства мы частенько гуляли вчетвером, неторопливо беседовали о жизни, вспоминали дни и годы, оставшиеся позади. Меня поражали осведомленность Виктора Серафимовича, юношеское любопытство, глубина суждений, его легкие, простецкие шутки.

— Вот вы спросили меня,— сказал во время одной из таких прогулок Виктор Серафимович,— не был я когда на партийной работе и не выступал ли с докладами? Ну, на партийной работе я был, доверяли товарищи, и с докладами выступал, но я не партийный работник и не лектор общества «Знание». Я просто рабочий человек. А это, между прочим, и означает, что во мне есть все эти качества — понемножку и от партийного, и от профсоюзного, и от депутатского звания, да и от ученого лектора найдется кое-что... Учительница у меня умная... Умная и суровая. Жизнью ее зовут... Жизнью Ивановной...

О своем деле, не таком, казалось бы, и замысловатом, он рассказывал так, словно нет и быть не может ничего более значительного, чем производство мебели. О столах, стульях, гардеробах, книжных шкафах, диванах и креслах, о мебели для детских садов, поликлиник и больниц он говорил как о живых существах. С истинным постижением тайн своего ремесла он рассказывал о том, какое дерево лучше всего отвечает тому или иному виду мебели, как оно выглядит и как тонко пахнет, сколько в нем теплоты и как сохраняет эту теплоту рука настоящего мастера. С горечью, с затаенной обидой он говорил и о том, как часто еще нечуткая к дереву, грубая обработка превращает вещь, которая могла бы украсить жизнь и быт людей, в холодное, тупое изделие, в котором не чувствуется увлеченной души человека, его создавшего.

II

Мы смеялись, ах, как мы смеялись, удивляя прохожих, когда на следующий год вдруг встретились у грибочка-лавочки на той же Грушевой аллее,— такой забавной показалась нам эта встреча.

— Это же надо! — раскатисто смеялся Виктор Серафимович.— Будто и не расставались... Ты смотри, Тасенька, в Москве позвонить друг другу не догадались, а здесь, на вольной-то волюшке, опять сошлись... Одним словом, курортные побратимы, да и только...

Мы с Виктором Серафимовичем обнялись, а жены наши расцеловались, как близкие и давние подруги. Пожимая руку Таисии Петровне, я, однако, подумал, что она изменилась, исхудала, потемнела лицом, в глазах у нее словно бы поселился испуг.

— Как здоровье ваше, Таисия Петровна? — стараясь не выдать моего наблюдения, спросил я.

— Спасибо, спасибо... Все хорошо...

— Ну, хорошо, да не очень,— склонившись ко мне, прошептал Виктор Серафимович.— На сердце жалуется, подводит ее сердечко, утомилась за красноярские-то годы...

Разговоры о здоровье — курортные разговоры. Но больше к ним мы не возвращались. Таисия Петровна с женой пошли вперед по знакомой песчаной тропке, опоясывающей Грушевый сад, а мы с Виктором Серафимовичем, сидя под грибочком, на ласковом горном ветерке, делились друг с другом разными разностями.

— У меня нынче хороший, просто удивительный годок был,— говорил Виктор Серафимович.— Словно тот годок, когда семья нашлась, когда Тася ко мне в Москву приехала... Новые цеха в строй ввели, такие полировочные машины установили, что раньше и не снились нам, мебельщикам. Весь год работали славно, а заказов невпроворот, хоть три смены вкалывай... Медведково наше разрослось так, что самый давний старожил не узнает. Да вы бывали ли в нашем районе? Нет? Вот это называется москвич: кроме своего Давыдкова, видать, знать ничего не знает...

— А сын-то мой, Сережка-то,— продолжал он,— Красноярск застраивает. Летом был, похвалялся, какие здания поднялись по его проектам. И дочка, Танюша, хвалит, говорит, хорошо все придумано, глаз радуют... А сама-то не ахти как с мужем живет. Может, конечно, все еще и наладится... Молодость, ее не сразу разгадаешь... Только внучат от нее пока нет и нет...

Оставив позади нашу Грушевую аллею, миновав площадку аттракционов, по серпантину Сосновой горки мы спустились в курортный парк, раскинувшийся по склонам крутых гор, миновали Стеклянную струю и позванивающий над Ольховкой мостик «Дамский каприз». Поразительное ощущение покоя и общения с живой природой здесь не оставляет человека ни на минуту. Сосны, пихты, кедры, белоствольные российские березки, соседствующие с южной растительностью, обдают тебя живительным воздухом, многочисленные цветники и розарии заставляют остановиться, глубоко вздохнуть, поднять глаза на глубокую синь знаменитого Джинальского хребта, на высокие горы, ограждающие город со всех сторон.

— Знаешь,— сказала мне вечером жена,— что-то тревожусь я за Таисию Петровну. Одолевают ее приступы стенокардии. Полечиться бы ей надо серьезно, а она по этим горкам бегает, с мужем расстаться не может, двадцатилетней разлукой травмирована. Уж не знаю, что и посоветовать, судьба ей выпала нелегкая...

Я подумал, что жена права: жизнь Таисию Петровну не баловала. Из Стожар в сорок первом она выбралась под бомбами, все вокруг горело и рушилось. Даже теплой одежонки для себя и для детей захватить не сумела. До Смоленска добиралась на попутных — и на машинах и на лошадях: люди добрые сочувствовали молодой матери с двумя малолетками. А в Смоленске военный комендант посадил их своей властью в переполненный вагон чуть ли не последнего пассажирского поезда и прокричал вслед: «Не распускай нюни, девка, держись!» Так вот и добралась до Москвы и пришла с толпой таких же обездоленных войной матерей в первый же эвакуационный пункт: «Помогите, товарищи!»

В Сибирь ехали долго, нестерпимо долго. В пути и дети и сама голодали, простужались, надрывно кашляли и больше всего боялись, что какой-нибудь чересчур бдительный санитарный врач снимет их с поезда. Через три недели прибыли к месту назначения — в город Красноярск.

Здесь встретили не то что уж очень гостеприимно, но в общем-то хорошо. Устроили в теплую сторожку при школе на городской окраине, выдали карточки, снабдили теплой одеждой... О муже все это время ни весточки, ни слуха... Через год-полтора, когда она работала ночным сторожем при ОРСе оборонного завода, расположенного неподалеку от школы, ей предложили учиться на токаря. Пошла, не задумываясь. Днем работала в цехе, ночью орсовский склад сторожила. Жить вроде бы стало легче.

Осенью сорок четвертого года, когда отводила она семилетнего Сережку в школу, кто-то из встретившихся ей земляков как бы между прочим сказал, что Виктор, по слухам, то ли погиб под Минском, то ли без вести пропал еще в сорок первом. Отчаянию ее не было предела... Только детям ничего не сказала, ни слова: пусть верят, что отец жив, воюет, а кончится война, непременно их разыщет, непременно найдет...

И он нашел. Двадцать лет искал, то вовсе теряя надежду, а то надеясь с новой силой. Искал, горюя, сомневаясь, мучаясь. Искал и нашел...

Виктор Серафимович и Таисия Петровна на этот раз возвращались в Москву раньше нас: у них срок пребывания в санатории уже истек, у нас только начинался. В руках у Таисии Петровны был букет цветов, она от души смеялась над шутками мужа. А в глазах у нее — может быть, это была только моя догадка — где-то глубоко-глубоко проглядывал испуг.

III

Еще через год мы встретились в третий раз и все там же, у лавочки-грибочка.

— Ох ты, господи! — воскликнул, рванувшись ко мне, Виктор Серафимович.— Как живем-можем, что нового вокруг? Толстеем или худеем?..

— Как чего нового? — засмеялся я, пожимая руки друзьям.— Вот подвесную канатную дорогу строят, скоро поедем на Малое седло, кататься будем — пять минут туда и пять обратно...

— Ну, что же это за отдых такой? Пешочком, пешочком и воздуха побольше в легкие — вот смысл философии всей...

— Как здоровье, Тасенька? — осторожно, почти шепотом спросила жена.

— Лечилась весь год, не трудилась. Виктор молоком и медом отпаивал. Врачи лекарствами пичкали. Кажется, выкарабкалась...

Она действительно выглядела куда лучше, чем в минувшем году. И на вопросы жены отвечала искренне, с открытой милой радостью. Ну а Виктор сиял:

— Новости?.. Новости есть, хорошие новости. Сережка-то наш... Сергей Викторович Одинцов, может быть, слышали... кандидатскую диссертацию защитил, ученым-архитектором стал. В Англию и Америку съездил, а сейчас в ФРГ, чего-то там изучает, свое придумывает. Заграничное не хает, говорит: сгодится все хорошее...

— Только вот у Танюшки моей, младшенькой, у той не все ладно,— продолжал Виктор Серафимович.— Муж — художник, деньги большие получает, машину приобрел, да только... И потолки в квартире высоки, а дышать нечем... Боюсь я за эту семейку, не случилось бы чего... Живут вроде в достатке, а детишек-то все нет и нет... Какая ж это семья без ребят? Как ты думаешь?..

IV

И еще одна встреча, четвертая по счету, не похожая ни на одну из предыдущих встреч. День был незадачливый, туманный. Колючий ветер, казалось, налетал отовсюду, и грибочек плохо защищал от его порывов. Виктор Серафимович подошел ко мне тихо, словно вырос из-под земли. Таисии Петровны с ним рядом не было, и мы с женой сразу же почувствовали недоброе. К тому же он был какой-то исхудавший, осунувшийся, словно перенесший тяжелую болезнь...

— Здравствуй, здравствуй, друг! — сказал я, пожалуй, чересчур громко и протянул ему руку.

— Здравствуйте,— ответил он так, словно прошел не год после нашей встречи, а в лучшем случае час или полтора.— Здравствуйте...

Он пожал мою руку — ладонь у него была сухой и холодной,— поздоровался с женой и тяжело опустился на скамью.

— Что-нибудь случилось? Где Таисия Петровна? — спросил я.

— Случилось непоправимое,— чуть слышно

ответил он.— Непоправимое... Тасенька умерла перед самым маем... Сердечко нагрузки не выдержало... Ушла моя Тасенька...

Он вобрал голову в плечи и по-мужски, без всхлипываний и причитаний, смахнул со щек крупные слезы. Потом встал, отошел от грибка, долго молча стоял на ветру у самой кромки ущелья.

Человек в беде частенько выглядит жалким, теряет душевное равновесие, распускается.

Виктор выглядел иначе. Он стоял на краю обрыва твердо, с сухим лицом; принимал порывы холодного, колючего ветра, не морщась и не сгибаясь. Он стоял, прижав к груди ладони, и его статная фигура, возвышавшаяся над пропастью на фоне хмурого неба, казалась высеченной из камня.

Оглянувшись, он вновь подошел к грибку.

— А груши... Груши-то все опали в этом саду, такой ветер,— сказал он, глубоко вздохнув.— Вспоминала вас Тасенька, вспоминала... И надо же так, через два дня после торжества моего ушла... Орденом меня наградили... За труд и за жизнь. За все сразу.

V

И пятая встреча, прошлогодняя.

Мы приехали в Кисловодск в конце сентября и шли, не торопясь, этаким курортным шагом, по знакомой тропинке над обрывом к привычному местечку — к нашему грибку на Грушевой аллее. Еще издали мы заметили, что там резвятся дети — мальчик лет десяти и девочка поменьше, а в стороне, словно изучая местность и время от времени поглядывая на детей, стоят средних лет мужчина и женщина. Спиной же к нам под свежевыкрашенным грибком сидел плотный седой человек в белой рубашке. Неужто это Виктор Серафимович?..

— Виктор Серафимович! — окликнул я его. Он повернулся ко мне быстро, и знакомое доброе его лицо расплылось в улыбке.

— А я, друг ты мой, уже вторую неделю вас поджидаю, придут или нет, может быть, думаю, в какие другие края отдыхать подались? Рад, очень рад... А это мой сын Сергей и супруга его Людочка...

Сергей с женой подошли, мы познакомились.

— Нам мама и отец много рассказывали о вас,— сказал Сергей.— Вот и мы тоже решили побывать на Грушевой аллее.

Сергей Викторович, как и отец, был строен и высок, глубокая вертикальная морщинка разрезала его густые темные брови, а от матери, видимо, перешла к нему округлость лица и милая, доверчивая улыбка. Людмила Николаевна, его жена, худенькая, дробненькая, выглядела девочкой-старшеклассницей в легком цветастом платье, но когда я пожимал ее руку, то почувствовал, как много в этой маленькой женщине и физической силы и уверенности в себе. Держались Сергей и Люда просто и с достоинством: такие люди радуют сердце, вызывают симпатии. Дети, легко и простенько одетые, играли в густой траве грушевого сада. Встреча деда и родителей с незнакомыми людьми их ничуть не заинтересовала.

Сергей, как выяснилось, работал уже главным архитектором одного из новых районов города, читал лекции по теории и истории архитектуры в университете. Поездкам своим за границу в отличие от отца он не придавал особого значения, никаких залихватских историй о них не рассказывал. Обмолвился только: «Побывал, посмотрел, в общем, много интересного».

— Это мой сын и внуки мои... Как говорят, продолжение мое...— сказал Виктор Серафимович, когда Сергей и Люда вместе с женой моей пошли к детям в грушевый сад и мы на лавочке остались одни.— Приехали со мной. Дочку с мужем прихватить с собой не могли, да и нельзя ей сейчас: ребеночка ждет. Вот какая жизнь... Жизнь Ивановна...

И он вновь, как и в прошлом году, быстро поднялся, сделал несколько шагов вперед и стал над кромкой ущелья, прижав ладони к груди. К его ногам легкий горный ветерок пригибал густую траву, уже подсохшую, шуршащую, но еще живую, источающую осенний аромат.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Д. И. ПЕТРОВА (БИРЮКА)

ЛЕТОПИСЕЦ ДОНСКОГО КРАЯ

Лучшие книги одного из старейших наших писателей Дмитрия Ильича Петрова (Бирюка), немало сделавшего для становления донской советской прозы, давно нашли своих горячих поклонников. Триллогия «Сказание о казаках», созданию которой он отдал шестнадцать лет упорного труда, исторический роман «Дикое поле» («Кондрат Булавин») приняты уже не одним поколением читателей, пользуются заслуженной популярностью, особенно на юге России. И не удивительно, что книги эти за минувшие десятилетия выдержали много изданий и у нас и за рубежом.

Почти все произведения писателя посвящены дорогому и близкому его сердцу, родному донскому краю. Он горячо любит Дон, знает его историю, жизнь казачества, показывает ее широко и многопланово, остро вскрывает социальные конфликты. Именно эти характерные черты творчества Петрова (Бирюка) имел в виду земляк писателя, маршал Семен Михайлович Буденный, когда в феврале 1937 года, почти сорок лет назад, опубликовал в ростовской газете «Молот» добрые слова о его первых книгах.

Ныне Дмитрию Ильичу исполняется 75 лет. С этой жизненной высоты писателю есть на что оглянуться. За плечами десятилетия настойчивой, кропотливой работы, постижение тех тернистых «университетов», в которые хуторской мальчишка из Хоперского округа бывшей Области войска Донского был послан самой жизнью.

Юношей пошел он в Красную гвардию, красноармейцем участвовал в боях против белых на Южном фронте. Дорога борьбы за народное дело, за Советскую власть привела молодого казака в ряды Коммунистической партии, в которую он вступил в 1920 году. Работал, учился, писал первые заметки в местную партийную печать. Через несколько лет бывший селькор стал заместителем редактора окружной газеты «Красный Хопер» в городе Урюпинске. Потом работа в московской газете «Беднота», в Ростовском книжном издательстве. Вскоре вышли первые книги, рассказавшие о том, что молодой литератор сам отстаивал в строительстве новой деревни, о сложных и памятных годах коллективизации. Сначала сборник очерков «Колхозный Хопер», а следом первый роман «На Хопре».

Самым значительным произведением в творческой биографии Петрова (Бирюка) стала трилогия «Сказание о казаках», охватывающая почти полувековой период. Автор прослеживает революционные пути, приведшие трудовое казачество на справедливые рубежи Советской власти.

В романе «Дикое поле» Петрову (Бирюку) удалось нарисовать яркие картины большого крестьянского восстания под руководством Кондрата Булавина, вылепить правдивый и мужественный образ знаменитого народного вожака.

Широким кругам читателей известны и другие произведения писателя: роман «Сыны степей донских» — о донских казаках атамана Платова, успешно громивших в Отечественную войну 1812 года полчища Наполеона; роман «Юг в огне», посвященный гражданской войне на Дону; историческая повесть «Степные рыцари» — о героической обороне Азова; автобиографическая повесть «История моей юности» и другие книги.

Сердечно поздравляя с 75-летием сына степей донских, талантливого певца этого благодатного края, известного писателя Дмитрия Ильича Петрова (Бирюка), от всей души хочется пожелать ему долгих творческих лет, новых книг о родном народе, о родной земле.

Михаил АНДРИАСОВ

С. Н. Сергеев-Ценский. Трудитесь много и радостно. М., «Молодая гвардия», 1975, 336 стр.

ЗАВЕТНАЯ ДУМА

Сергеев-Ценский написал однажды: «Основное в писателе — твердость и прочность художественных убеждений...»

Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к только что вышедшему сборнику публицистики С. Н. Сергеева-Ценского «Трудитесь много и радостно» (составитель В. Козлов), выпущенному издательством «Молодая гвардия» в серии «Писатель, молодежь, жизнь».

В книге, вобравшей давно непубликовавшиеся статьи и очерки, три раздела: «Народ-герой», «О художниках слова», «Слово к молодым». На примерах героической истории нашей страны, на опыте великой русской литературы автор выдающихся эпических произведений воспитывал такие художественные убеждения, в которых неиссякаемая любовь к Отечеству органически сливается с благородной нравственностью советского человека, с высокими критериями литературного мастерства.

Статьи и очерки Сергеева-Ценского и сегодня звучат очень современно. «Я уже свое поездил, посмотрел, пописал, а вы не упускайте, дорогие мои, ни одного дня, ни часа,— напутствовал он.— Жизнь писателя принадлежит Родине».

Д. ИВАНОВ

МУИН БСИСУ
(Палестина)

ГНЕВНАЯ ПЕСНЯ

КАТАПУЛЬТЫ

Родина!
Нет тебя со мною.
Лоб мой —
точильный камень:
мерно скользят ножи.
Слезы иссякли,
веки залеплены мглою,
и слова утешения
мне не нужны.
Бьют катапульты
камнями
по ребрам,
по пальцам.
Бьют катапульты
камнями
по строкам,
по рифмам.
Дом колыбели моей
на осколки
распался.
Стал я
бездомным,
сгорающим
метеоритом.
Бьют катапульты
камнями
в сердце
и почки.
Бьют катапульты
камнями
в рифмы
и строки.
Камни —
проклятые письма
дьявольской почты —
точно приходят,
без опозданий,
в сроки.
Бьют катапульты
по детству,
по апельсиновым кущам,
по щекам матерей
с непрочитанной
вязью морщин,
по глазам
наших девушек —
перепуганным,
ждущим,
по сутулым плечам,
по костлявым плечам
мужчин.
Бьют катапульты.
В цель попадают
камни.
Бьют катапульты
с древних времен,
веками.
Бьют катапульты.
Бьют.
И все же
я жив,
и гневная песня
в жилах моих
бежит!

МУМИЯ

Фараон
достойно спит в саркофаге,
а на стенах каменного гроба
отражены его достиженья:
газель
с обломанными рогами,
чайка
с выщипанным опереньем,
пантера
с вырванным языком.
Красавицы грудь —
в паучьих лапах,
рабы
и бамбуковые розги,
весы
и отрубленные руки.

Фараон от подвигов устал
и теперь
достойно спит в саркофаге...

ЧЕРНИЛЬНИЦА

На кораблях,
лежащих в доках,
на бороздящих океаны,—
везде
развешаны приказы,
везде
расклеены фирманы.
И многоцветные чернила
увековечивают фразы.
Везде
расклеены фирманы,
везде
развешаны приказы.
О директивы,
указанья,
распоряженья
и запреты
для облаков
и для созвездий,
для четырех
ветров планеты!

Для капитанов
и матросов,
для мудрецов
и дураков
отныне
черные чернила
нужнее белых облаков.
Бумага важная
с печатью
укажет
самый верный путь.
Теперь чернильница
сложнее,
чем человеческая
суть.
Теперь чернильница
в почете —
блестит
начищенная медь,
и только перьям,
а не мачтам
теперь положено
скрипеть.

На рыбьих спинах,
на ракушках,
на осьминогах
и кораллах —
везде следы
чернильных пятен,
и фиолетовых
и алых.

КОРОЛЬ УМЕР

Умер король
с пистолетом в руке,
умер король
с ножом в боку.
Умер прилично,
по-королевски.
Испустил дух
боевой петух.
Ну-ка, ребята,
снимем каски,
нальем туда
чего-нибудь крепкого —
выпьем
за мертвого короля.
Да будет пухом
ему земля!

Кто там
как бешеный
бьет в ворота?
Рвет рубаху
свою на груди?
Кричит и божится,
что он король?
Позволь!
Значит, ты жив?
И все вранье:
эпитафии,
плачи,
надгробные речи,
памятник
на твоей могиле,
тома исторических
разысканий,
где подводится славный итог
изумительного правления?
Тысяча поэтов
уже поет
траурные хвалебные оды.
Тысячи шлюх —
весьма аппетитных —
ночами оплакивают тебя.
А ты, выходит,
жив
и не умер?

«Да, я живой.
Подавитесь вы все
своей трепотней,
надгробьями,
плачем,
историческими томами.
Я живой!
И я ваш король!
Я удрал,
затаился,
струсил.
Но я живой!
И я ваш король!»

Нет, извини.
Так не пойдет.
Ты умереть,
наш любезный,
должен.
Выходит,
мы все затеяли зря.
А наша история,
наша слава,
наше достоинство,
наша честь?
Нет, извини,
хочешь не хочешь,
придется,
дружочек,
тебе умереть.

Перевел с арабского
М. КУРГАНЦЕВ.

МУХАММЕД ДЖАМИЛЬ ШАЛЕШ
(Ирак)

В МОЛЧАНИИ МАТЬ ВОПРОШАЕТ МЕНЯ

В молчании мать вопрошает меня —
В груди ее кроется тайна творения:
— Скажи, кто любовь поселил меж людьми,
С тех пор как обжита земля наша древняя?

В молчании мать вопрошает меня —
В глазах ее утро рождения нового:
— Сыночек, ты видел когда-нибудь свет
Ярче весеннего цвета зеленого?

В молчании мать вопрошает меня —
И тучи в морщинках ее собираются:
— Сынок, почему люди предали мир,
На жизнь посягнули? Ведь им не раскаяться!

В молчании мать вопрошает меня —
Меж губ ее впалых день завтрашний тонет:
— Они упиваются кровью людской.
Что же, они бессердечные, что ли?

В молчании мать вопрошает меня —
И вера во мне пробуждается снова:
— Сыночек, ответь мне, бывает ли песнь
Прекрасней и радостней слова живого?

В молчании мать вопрошает меня —
Все тело мое напряглось для ответа:
— Сынок, неужели к дорогам войны
Навеки прикована наша планета?

В груди моей пламя вулканов пылает,
Клокочущей лавой вздымается в горле,
Глаза мои пепел пытается смежить,
Бушует у ног моих слезное море —
И только любовь на земле меня держит
И веру вселяет в плоды человека.

Перевел с арабского
И. ЕРМАКОВ.

ТАЙНА ШЕСТИ ЧЕМОДАНОВ

Л. ЛЕРОВ, Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ

...Аппетит приходит во время еды. Реализовав тайно доставленные из Пакистана через Москву—Лондон—Брюссель двадцать шесть килограммов гашиша, Лизбет Флир решила повести дело куда с большим размахом. Она считала, что для этого у нее имеются все основания. В окружавшем ее мире бизнеса за деньги можно было купить души не только таких, как Пулман и Хиссерер, но и тех, кто носит мундиры полицейских. Строжайшие законы сурово карают за спекуляцию наркотиками. Да, существуют таковые, но ей уже удалось однажды без особого труда обойти подводные рифы законности. И, вероятно, больше всего окрыляло то обстоятельство, что посчастливилось благополучно миновать столь опасную зону, как Московский аэропорт,— сколько их, международных торговцев «белой смертью», терпело фиаско в своих попытках тайно, транзитом провести через советскую границу опиум, гашиш, героин, ЛСД. А она смогла, провезла!

Лизбет Флир вся во власти новых замыслов — повторить вояж, но уже не трех, а как минимум шестерых агентов. Шесть больших чемоданов да плюс ручная кладь. Мысленно она прикидывает: килограммов на шестьдесят потянет.

И вот вновь в кафе «Принц» идет большой совет Лизбет со старыми, надежными друзьями — Пулманом и Колкманом.

— Как считаете: можно повторить эксперимент?

Она не ждет ответа. Вопрос носит риторический характер.

— Но число участников операции должно быть увеличено. Могу ли я надеяться, что вы сумеете привлечь надежных людей?

Это уже не риторический вопрос. Она ждет ответа. Что скажут «мальчики»— от этого многое зависит. А они пока молчат. Лизбет досадливо хмурит брови, потом озорно улыбается. Улыбается своим мыслям. Она знает, что скрывается за этим молчанием. И небрежно бросает:

— Я буду платить по сто долларов за каждого нового компаньона. Но только абсолютно надежного. Ясно?

Лица собеседников оживились. Им, конечно, ясно. Первым подал голос Пулман.

— Мы постараемся, Лизбет. Кое-кто есть на примете.

— Тогда действуйте. Не будем терять времени. Заказывайте шесть авиабилетов на Карачи. Полетите тем же маршрутом. И купите, пожалуйста, шесть чемоданов «Apollo» и шесть сумок у «Зуммполе». И с подкладкой. Вы не хуже меня знаете, какой она должна быть. Чуть-чуть отклеенная... И побыстрее найдите людей.

Началась охота за сообщниками. Звонок Пулмана к Хиссереру.

— Может, снова махнем в Пакистан? Ты, кажется, тогда не прогадал.

— Нет, конечно. Я готов. А условия?

— Договоримся при встрече.

В тот же вечер они встретились в кафе. Разговор был недолгим. Условия те же.

— Расплата после возвращения в Амстердам. Но Лизбет снизила ставку с тысячи пятисот до тысячи.

Хиссерер вопросительно смотрит на Пулмана. Вопросительно и испытующе: «Старик, ты не хитришь со мной?» И Пулман спешит внести ясность:

— В мае денег было потрачено больше, чем предполагалось. Поэтому на сей раз... Ты уж не сетуй, Хиссерер. Зато Лизбет снова гарантирует бесплатного адвоката в случае провала... А если хочешь — тысяча двести, но без гарантийного адвоката. Какой вариант тебя устраивает?

— Подумаю...

— Думай, старик, и решай. Да вот еще что, можешь подзаработать. Лизбет платит сто долларов, если найдешь для поездки еще одного надежного человека. Нужны компаньоны. Ищи...

Искать долго не пришлось. Из Мюнхена позвонил Андреас Фикс. Его сестра была когда-то женой Хиссерера. Супруги разошлись, а дружба двух молодых немцев, Андреаса и Дитера, сохранилась, хотя Фикс живет в Западном Берлине, а Хиссерер — в Амстердаме.

По телефону они сначала говорили о всяких пустяках. И вдруг совершенно неожиданный для Фикса вопрос:

— Как бы ты отнесся к такому предложению: у меня есть знакомый, который ищет компаньона для поездки в Пакистан. Вопрос обо мне решен, могу и тебя прихватить.

— Ты, вероятно, решил, что я получаю бешеные гонорары и не знаю, куда девать деньги?

— За кого ты меня принимаешь?

— Тогда объясни, на какие шиши я поеду в Пакистан.

— Это не телефонный разговор. Жду тебя в Амстердаме. Учти: ты уже должен иметь с собой заграничный паспорт и сделать все необходимые прививки.

— Туманно, очень туманно. Но я приеду.

В Амстердаме туман стал постепенно рассеиваться, Фикс начал понимать, на какие шиши... Его вполне устраивали эти «шиши», и он не стал проявлять излишнюю любознательность — что за таинственный чемодан, который ему вручили в Амстердаме и который он должен доставить в Пакистан, а затем привезти обратно, в Голландию? Что за таинственный груз? Хиссерер отмалчивался, пока однажды вечером в кафе гостиницы «Мариот» Лизбет Флир не собрала всю шестерку своих агентов. На горизонте появились еще два голландца — Рулоф Тейс и Хендрик Схолтенс. Оба молодые, но оба уже успели полной мерой хлебнуть все «прелести» образа жизни в стране, где тысячи людей не уверены, будут ли они завтра иметь работу. Рулоф, например, после окончания физико-математического факультета Амстердамского университета вынужден был работать сперва ночным сторожем, а потом садовником.

Высокий, длинноволосый, в потертых джинсах и куртке, он все время тяжело вздыхал, пока рассказывал следователю о путях-дорогах, что привели его в тюремную камеру. Обремененный университетским дипломом, он в еще большей мере был обременен долгами за тот диплом, за учебу в университете. Физик хорошо понимал, что экспедиция за гашишем — опасная авантюра и бог весть чем она может кончиться. Но что поделаешь: долговая петля на шее грозила затянуться еще туже. А у него жена, дочь. Тейс согласился с условиями Лизбет Флир.

Примерно та же тропа привела в камеру и молодого, ему 23 года, Схолтенса. Было такое счастливое время, когда ему удалось устроиться корректором в газету «Торговый вестник». Но счастье было недолгим. Кризис. Фирма закрыла несколько газет. Корректора уволили. Вот при каких невеселых обстоятельствах попал он в сети Лизбет Флир. Человек не очень высоких моральных качеств, он не гнушался любого способа делать деньги. И, конечно же, сразу клюнул на приманку:

...Итак, вся шестерка в сборе. Им вручены чемоданы, сумки, закупленные Пулманом и Колкманом: эти двое облечены всеми полномочиями.

Теперь Лизбет уже не темнит: все карты на стол!

— Полетите за гашишем! Каждый из вас должен доставить чемодан и дорожную сумку. О тайниках в них я сама позаботилась. О надежных контактах в Пакистане тоже.

Да, контакты были надежные. Как и тогда, в мае...

Внешне все выглядело весьма буднично. Туристы как туристы. Глазеют по сторонам. Покупают сувениры. Купаются в бассейне. Развлекаются.

А конвейер контрабанды действует размеренно, точно и незримо. Зримо действует лишь старый знакомый Лизбет Флир, один из главных поставщиков товара,— импозантный пакистанец Фез. Он инструктировал: «Вы должны вести себя, как обычная западная туристская группа». И наставлял: «На севере качество гашиша повыше, и дешевле он. Там и будем брать». Он сам размещал экспедицию в заранее намеченных номерах — в коттеджах с незаметным подъездом для машин. Он вел переговоры с Пулманом о ценах, с ним, с Фезом, и расплачивались.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ИОХАННЕСА ПУЛМАНА

— В ночь с 11 на 12 июля мы прилетели в Карачи. Там купили билеты на самолет в Равалпинди. На ближайший рейс оставалось только три свободных места, и я решил, что полечу со Схолтенсом и Тейсом. Остальные прибудут позже. Утром прилетели в Равалпинди, и через час такси доставило нас в Пешавар. По инструкции Флир нам следовало ехать в «Янс-отель» и спросить у портье: «Мы из Гол-

Окончание. Начало см. в № 41.

ландии. Есть ли у вас свободные номера?» Дальше уже надо было действовать по его указанию.

Портье беглым взглядом окинул группу голландских туристов, не подал виду, что встречается с Пулманом уже не первый раз, и любезно ответил:

— Свободных номеров сейчас нет... Вам лучше всего отправиться в «Парк-отель», а завтра вечером загляните в наш ресторан... Там хорошо встречают гостей.

И добавил уже не столь любезно, в голосе его звучал металл:

— Туда же придет человек, который предложит вам такси. Вы должны будете поехать с ним.

— Мы точно выполнили указания портье. Переночевали в «Парк-отеле». Днем гуляли в городе, а часов в семь вечера отправились в ресторан «Янс-отеля». Выпили чай с мороженым. Одну чашку, другую. Прошло полчаса томительного ожидания. Наконец к столику подошел неизвестный нам человек.

Он повез нас в китайский ресторан. В пути мы говорили о ничего не значащих вещах. У ресторана попрощались. Прощаясь, он сказал:

— Вот мы и познакомились. До встречи завтра утром в «Парк-отеле».

Поздно вечером мы вернулись из ресторана к себе в гостиницу. Нас там уже ждали Колкман, Хиссерер и Фикс.

Рано утром явился тот самый человек, что возил нас в китайский ресторан. Я спросил его:

— Что вы можете сообщить нам?

Он ответил:

— Сегодня в девять вечера вы должны быть в «Янс-отеле».

— И это все?

— Да.

Вечером мы пришли в «Янс-отель», и портье галантно раскланялся с Пулманом.

— Человек, с которым вы должны были здесь встретиться, не придет. Вам надо быть тут завтра вечером.

Никаких объяснений — почему не пришел, зачем надо быть завтра.

Встреча с шофером наконец состоялась. Он был по-прежнему немногословен и категоричен. Трое отправятся на север Пакистана, в город Сват, а остающимся в Пешаваре надо переехать в другую гостиницу, «Динс-отель». Почему только трое, зачем переезжать в другую гостиницу? Вопросы, которые я не имел права задавать.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ДИТЕРА ХИССЕРЕРА

— Четырнадцатого июля ко мне в номер зашел Колкман и сказал, чтобы мы — я, Схолтенс и Тейс — упаковали свои чемоданы и были готовы завтра утром выехать в Сват.

— Машина будет ждать вас у подъезда.

Он уже собирался уходить, потом сделал вид, будто что-то вспомнил.

— Да, не забудьте: когда вернетесь из Свата, ваши чемоданы окажутся в гостинице «Динс». Мы тоже переедем туда.

Каким образом чемоданы, которые завтра утром возьмем с собой в машину, потом попадут в отель «Динс», я не представлял.

На автомашине японской марки «Тойота» белого цвета я, Тейс и Схолтенс выехали со своими чемоданами и сумками в город Сват. Когда мы вышли из гостиницы, Пулман, провожая нас, сказал:

— Водитель все знает, обо всем предупрежден, в четверг семнадцатого июля вы должны вернуться в Пешавар в гостиницу «Динс».

На одной из улиц города, кажется, на окраине, водитель остановил машину возле другого автомобиля такой же марки, но только голубого цвета.

— Пересаживайтесь, господа. Вот этот мой коллега отвезет вас в Сват и в четверг привезет обратно в Пешавар. А ваш багаж останется у меня. Можете не беспокоиться о нем.

В Свате мы развлекались — осматривали город, снимали фильм, ловили рыбу. И все время водитель ни на шаг не отходил от нас.

В четверг, во второй половине дня, мы возвратились из Свата в Пешавар. Въехав в город, водитель два раза останавливал автомашину у каких-то лавчонок и что-то выяснял у хозяев. Затем с широкого проспекта мы свернули в небольшую кривую улочку и по ней выехали в район новостроек Пешавара. Наконец остановились возле одного из строящихся домов. К нам подошел пакистанец, в котором мы сразу узнали водителя той самой белой автомашины, на которой два дня назад отъехали от «Парк-отеля». Я, Тейс и Схолтенс вышли из машины и вместе с пакистанцем почему-то отправились во двор строящегося дома. Там мы пробыли около пятнадцати минут, осмотрели стройку и беседовали с рабочими. Затем к нам подошел водитель голубой автомашины, который привез нас из Свата, и сказал:

— Все в порядке, господа. Мы можем ехать в отель.

Я обратил внимание на то, что в машине уже находился наш багаж. И снова вопросы без ответов: каким образом он попал сюда, зачем была проведена смена машин, почему не поехали прямо в отель, а остановились на стройке?

В гостинице мы встретились с Пулманом, Колкманом и Фиксом. Номера для нас были заказаны, но мой номер еще не был готов, и я некоторое время оставался в холле. Тут же сидели Пулман и Колкман. Они предупредили меня, что на следующий день мы все вместе выезжаем автобусом в Равалпинди, а затем самолетом — в Карачи и далее через Москву в Лондон. Все билеты куплены.

В свой номер я пришел только вечером. Там уже находился мой чемодан. Я его не открывал, не осматривал, но, видимо, плитки гашиша уже были спрятаны в тайниках. Дорожную сумку чуть позже я получил от Пулмана. Когда я нес сумку, то обратил внимание: она явно потяжелела. Придя в свой номер, я прощупал дно и понял: здесь есть второе дно, там пластина с гашишем.

Осмотрел подкладку сумки и увидел, что кто-то вскрывал ее, а затем заклеил, но сделал это довольно грубо. Я отнес сумку к Пулману и поделился с ним своими опасениями: «Гашиш упакован не лучшим образом». Пулман подтвердил: «Да, ты прав. Однако сейчас ничего не поделаешь». Я молча выслушал шефа и взгрустнул: «Чем все это кончится?»

Эти же вопросы волновали Фикса, Тейса и Схолтенса, но они гнали от себя неприятные мысли. На следствии же как Пулман, так и Хиссерер дали подробнейшие показания об обстоятельствах поездки в Пакистан за гашишем.

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Из Карачи Колкман сразу же позвонил в Амстердам Лизбет Флир: дела идут хорошо, благополучно прибыли в Карачи. «Благополучно» — это значит, что все волнения, связанные с путешествием в автобусе из Пешавара в Равалпинди, остались позади. На этом маршруте местные власти проверяют туристские чемоданы — нет ли контрабанды и, в частности, наркотиков. Но все обошлось лучшим образом, и напрасно Схолтенс наглотался всяких успокоительных таблеток. Ведь предупреждал же Пулман: «Не бойтесь этого досмотра!» Он, Пулман, не новичок и знает, что чемоданы здесь осматривают не так уж тщательно, скорее ради проформы. А уж до второго дна не доберутся.

И вот последний рубеж. В ночь с 19 на 20 июля самолетом «Аэрофлота» гашишная экспедиция вылетела в Москву. Там пересадка, и затем курс на Лондон — Брюссель.

...Шумит, гудит международный аэропорт Шереметьево. Днем и ночью. Кажется, что не умолкает диктор, объявляющий по радио прилет и вылет самолетов. Во все концы света.

В пять тридцать приземлился самолет «Аэрофлота», летевший рейсом СУ-536 из Карачи в Москву, и шестеро «туристов» направились сперва в зал ожидания, а потом в ресторан. В десять пятнадцать их позвал голос радиодиспетчера:

— Объявляется посадка на самолет «Аэрофлота», следующий рейсом СУ-241 Москва — Лондон.

Это был их самолет. И они направились в зал, где перед вылетом шла обычная проверка ручной клади (багаж транзитных пассажиров был уже перегружен с одной машины на другую).

Принятая на вооружение аэропортами многих стран радиоэлектронная система «Поиск» призвана обезопасить и экипаж и пассажиров в полете. Она контролирует, не везет ли кто в карманах, сумке взрывчатые вещества, оружие. Приборы приборами, но и зоркий глаз будет не лишним. Проверяется так называемая ручная кладь. Операцию эту выполняют сотрудницы «Аэрофлота». Тут же таможенный пост — он вступает в свои права, если в сумке, портфеле, легком чемоданчике обнаружилось что-то подозрительное.

...Лида Шигаева работает на «Поиске» лишь второй год. Но в ее послужном списке уже несколько случаев, когда удавалось задержать контрабандистов. Она действует вежливо, точно, уверенно. Бесстрастное, ни о чем не говорящее лицо, на котором, кажется, навсегда застыла улыбка. И только глаза, спокойные, зоркие ее глаза могут сказать о многом. Волнуется Лида: «Не пропустила ли? А этого пассажира, кажется, зря побеспокоила?»

— Проходите, пожалуйста... Следующий... Попрошу вашу сумку...

После приговора. **Фото В. Капустина.**

Лида свободно говорит по-английски. Турист из Голландии понял ее.

— Извольте.— И сам раскрыл свою оранжевую сумку.

Лида мгновенно напряглась. Но ни один мускул не дрогнул на лице. Молча продвинула сумку голландца к Виталию Бурхановичу Сюбаеву. Инспектор таможни — он стоял рядом с Лидой — сразу понял, в чем дело: Шигаева что-то заподозрила. Инспектор вынул то немногое, что лежало в большой оранжевой сумке,— книга, туалетные принадлежности. Странно: всего лишь несколько легких вещиц, а сумка тяжелая. Ее владелец, молодой темноволосый голландец, невозмутимо наблюдал за таможенниками — он не возмущался, не нервничал. И даже слегка иронически улыбался: «Что, мол, поделаешь, закон есть закон!»

Сюбаев, опорожнив сумку, стал исследовать дно. И сразу заметил: внутри оно чуть выше по сравнению с тем, каким представлялось снаружи. Мелькнула догадка: двойное дно! Но на подкладке никаких повреждений. Снова поднял сумку. Тяжела! По-английски спросил туриста:

— Почему у вас такая тяжелая сумка?

— Не знаю. Такую купил.

— Я собираюсь разрезать подкладку вашей сумки. У нас есть основание подозревать о существовании второго дна.

Голландец мгновенно сник.

Сюбаев осторожно надрезал край подкладки и сразу же нащупал какую-то твердую гладкую пластину толщиной в два сантиметра. Вырезал кусок клейкой массы в полиэтиленовой пленке, нечто зеленовато-бурое, с резким запахом. Все ясно: гашиш!

— Ваш паспорт.

— Извольте.

Это был Тейс.

— Мы вынуждены задержать вас и провести более тщательный поиск.

Его отвели в досмотровую комнату. А через минуту-другую туда привели Схолтенса и Пулмана, а затем и Колкмана. Шигаева обратила внимание, что у них точно такие же сумки, как и у Тейса, только другого цвета. И тоже необычно тяжелые, хотя внутри одни лишь туалетные принадлежности да всякие мелочи.

Во всех четырех сумках оказалось двойное дно, скрывавшее тяжелые пластины гашиша.

Естественно возникла необходимость проверить также и их багаж. Однако все они единодушно отрицали его наличие. Это еще больше усилило подозрения — такая дальняя и длительная поездка при отсутствии необходимых дорожных вещей. Рейс пришлось задержать, весь багаж из самолета выгрузить и предложить всем пассажирам опознать его.

После того как багаж был разобран пассажирами, на летном поле у самолета остались одиноко стоять шесть неопознанных большущих чемоданов-близнецов и две дорожные сумки, подобные тем, какие уже находились в досмотровой комнате.

Среди пассажиров странным образом выделялись двое: один с бутылкой виски и навеселе, а другой — с теннисной ракеткой. Это были Хиссерер и Фикс. На вопрос таможенников, нет ли среди неопознанного багажа их вещей, они долго и растерянно осматривали оставшиеся чемоданы и сумки и в конце концов нерешительно указали на две сумки и два чемодана. Да и как было не признать их, если там находились их личные вещи и документы, которые могли их уличить.

Осмотр шести чемоданов длился недолго. Опытные мастера своего дела инспектора-таможенники сразу же обнаружили второе дно. И вот уже лежат на столе большие спрессованные пластины смертоносного гашиша. Взвесили: 62 килограмма 800 граммов. Тогда, глядя на большущие чемоданы, кажется, кто-то впервые и обронил: бомбовозы...

Их сняли с рейса и поместили в гостиницу «Аэрофлота» для выяснения с сотрудниками таможни допущенного «туристами» правонарушения. Пулман и его компаньоны, неожиданно оказавшись без дела, не теряли зря времени. Они звонили в посольство, требовали защиты от беззакония. При этом, перебивая друг друга, срочно разрабатывали схему защиты.

Через два дня шестерку компаньонов Лизбет Флир на основе материалов, представленных Главным таможенным управлением Министерства внешней торговли СССР, арестовали. Из комфортабельного номера гостиницы пришлось перекочевать в тюремную камеру.

Началось следствие. Дело серьезное, и вести его поручили следователям КГБ при Совете Министров СССР О. А. Добровольскому, Э. Ф. Кучерявенко и Г. Н. Куринину. Им пришлось потрудиться. Допрос шел через переводчиков, все документы, материалы экспертизы надо было предъявлять в переводе — это потребовало много времени. А самое главное — упорство обвиняемых. В течение тех дней, что они провели в гостинице, контрабандисты смогли кое о чем договориться: как помешать следователям докопаться до истины. «Мы не представляем, каким образом попал наркотик в наши чемоданы и сумки. Мы просим основательно разобраться в этом»,— заявляли контрабандисты после ареста. Однако со временем, рассказывая по предложению следователей о деталях поездки в Пакистан, иностранцы-контрабандисты сами стали чувствовать шаткость своей позиции, неубедительность своих заявлений. Пытаясь как-то объяснить явные несоответствия в своих показаниях, запутывались еще больше. В конце концов обвиняемые поняли: настаивать на первой пришедшей им в голову зыбкой версии — «кто-то положил в наши чемоданы гашиш» — глупо. На свидание с контрабандистами приезжали представители посольства. Они им прямо заявили: сами набедокурили, сами ответ держите.

Так шли дни. Наконец гашишная команда заняла новую позицию:

— Отправьте нас в Голландию. Пусть нас там судят. Советским людям мы вреда не нанесли и не могли нанести. Не угрожали их здоровью, жизни... Транзит... Пусть судят нас в стране, для жителей которых наша акция представляла угрозу.

О, как они надеялись на такой вариант! Им хорошо известно, что в их стране лишь де-юре нелегальны эти мрачные курильни, прикрытые бамбуковыми занавесями, где воздух напоен густым, сладковатым ароматом, где во мгле ниш лежат люди с пергаментными лицами, стонущие, вопящие, с глазами, полными невыразимого ужаса, но все продолжающие потягивать длинную трубку, на конце которой кровавой точкой светится маленький шарик. Полиции ведомы адреса этих страшных заведений, ведомы тайные поставщики опиума. Но полиция старается их не замечать. К чему? Бесполезно. В США наркоманы, по сообщениям печати, проникали даже в отделы Пентагона, ведающие ядерным оружием, ракетными установками. Зачем же карать молодых парней и девушек, заполнивших тайные курильни?

Дитер Хиссерер взывал к сердцу и разуму следователя Добровольского:

— Поймите меня, поймите ситуацию, в которой я нахожусь. Я не знаю советского законодательства и только сейчас понял, что мои действия квалифицируются как контрабанда. Но я назвал бы эти действия просто легкомысленными. Я сейчас все объясню вам. Ведь в моей стране продажа гашиша почти не преследуется законом, гашиш у нас употребляется более или менее свободно. Кто будет задумываться у нас о вредном действии гашиша? Поэтому и угроза судебного преследования за провозку гашиша серьезно не воспринимается, к этому серьезно никто не относится.

Вот тут Хиссерер уже не лгал. Да, в его стране весьма своеобразно относятся к законам, карающим тайную доставку, спекуляцию гашишем, организацию тайных курилен. В дни, когда Пулман и компания пребывали в тюремной камере, в Амстердаме вышел 32-й номер весьма почитаемого в Голландии иллюстрированного еженедельника «Новое обозрение», издаваемого концерном «Иллюстрированная пресса». Гвоздем номера был репортаж с иллюстрациями. Автор Эвалд Ванфюгт на семи полосах пел хвалебную оду наркотикам. Он и его жена недавно впервые приняли ЛСД — популярный на Западе наркотик — и при этом почувствовали себя самыми счастливыми людьми на свете. Голландский журналист буквально смаковал ощущения, испытываемые наркоманом.

Короче, господин Эвалд Ванфюгт со страниц еженедельника открыто, во весь голос призывал: будьте наркоманами! Принимайте наркотики. Важно только, чтобы у вас был опытный наставник, понимающий толк в этой «пище богов».

Что же, все ясно. Пулман, Хиссерер, Колкман, Тейс, Схолтенс, Фикс знали, чего им добиваться от советских стражей закона: «Вышлите нас в Голландию. Пусть нас там судят!» Они знают, чем кончится суд в стране, где разрешается публично воздавать славу наркомании, где ЛСД объявляется «пищей богов». Следователям КГБ долго и терпеливо пришлось разъяснять владельцам шести чемоданов с «пищей богов»: советским людям далеко не безразлично, что именно везут транзитом через нашу территорию. Закон Страны Советов защищает от гнусных торговцев наркотиками не только советских людей, но и спасает от «белой смерти» тех, кто живет далеко от советской земли.

И минуло немало времени, пока это наконец дошло до них. Пулман пожимал плечами, Тейс опускал очи долу, а свободный художник Хиссерер вынужден был признать: «Да, я понял, мы совершили преступление против человечности».

Ему вторит Пулман в покаянном письме: «После многих дней раздумий я пришел к выводу, что это было подло с моей стороны — взяться за контрабанду наркотиками. Они принесли миру столько горя! Из-за них же теперь вынуждены страдать я и моя семья. Теперь я уже не такой дурак, чтобы таким способом зарабатывать деньги».

Закончено следствие. Лаконична полная глубокого социального смысла формула обвинения: «...сорганизовались в преступную группу для контрабандной доставки из Пакистана в Нидерланды транзитом через Советский Союз наркотического вещества, именуемого гашишем».

...Идет суд. Председатель Московского городского суда Л. Е. Алмазов разъясняет всем подсудимым их права, в том числе и право давать суду объяснения по существу предъявленного обвинения.

Все подсудимые полностью признали себя виновными. И подробно рассказали о своих преступлениях. Проклинали тех, кто толкнул их на это. И теперь, раскаиваясь, просят суд лишь об одном: пощадите, пожалейте, будьте снисходительны.

Прокурор отдела Прокуратуры СССР А. Т. Бабенко, обращаясь к суду с обвинительной речью, отметил тяжесть совершенных подсудимыми преступлений, представляющих повышенную общественную опасность, обратил внимание на то, что Советский Союз, руководствуясь гуманистическими принципами и стремясь обеспечить эффективные меры против злоупотреблений наркотическими средствами, предпринимает ряд координационных усилий в этом направлении. Так, он присоединился к международной Единой конвенции о наркотических средствах, требующей тюремного заключения или иного наказания, связанного с лишением свободы, за все умышленные преступления, связанные с наркотическими средствами.

Недавно принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с наркоманией», предусматривающий наказание до пятнадцати лет лишения свободы за перевозку и распространение наркотиков, а также запрещающий под страхом уголовной ответственности выращивание сельскохозяйственных культур, служащих сырьем для получения наркотиков, не используемых в медицинских целях.

Добросовестно выполняя обязательства по международному праву в борьбе с этим социальным злом, в соответствии с законами Советского Союза, а также с учетом отягчающих и смягчающих вину обстоятельств, прокурор просил назначить меру наказания, связанную с длительным лишением свободы всем подсудимым.

30 сентября Московский городской суд приговорил Пулмана И. Г., Хиссерера Д. К. и Колкмана Э. к десяти годам лишения свободы каждого в исправительно-трудовых колониях усиленного режима, с конфискацией имущества; остальных подсудимых: Фикса А. Е., Тейса Р. Ф., Схолтенса Х. Э.— к восьми годам лишения свободы каждого в исправительно-трудовых колониях усиленного режима с конфискацией имущества.

Е. Лансере. ЖЕНЩИНА С ЧИАНУРИ. 1929.

Государственный музей Грузии имени С. Н. Джанашиа.

Е. Лансере. СТАРЫЙ НИКОЛЬСКИЙ РЫНОК В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. 1901.

Государственная Третьяковская галерея.

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Третья карта

БЕСЕДЫ С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Уставших с дороги Омельченко и Елену разместили в доме, где жил Роман Шухевич. Им отвели ту комнату, где обычно останавливался Ярослав Стецко — маленькую, с окном, выходившим на огород, разросшийся, словно сад: лето было ранним и жарким, а в мае прошли хорошие дожди.

Шухевич, как заметил Штирлиц, был с Омельченко почтителен, несколько даже подобострастен, но в глазах его то и дело мелькала особого рода игринка — такая появляется, если только с врагом говоришь.

Штирлиц решил не мешать Шухевичу и Омельченко: первая беседа самая ответственная, когда притираются «разности». Он был убежден, что Омельченко назавтра расскажет ему все с мельчайшими деталями.

Шухевич, являясь начальником воинских соединений Бандеры, был, естественно, уполномочен вести любые переговоры с представителями других групп националистов.

«Пусть поговорят,— решил Штирлиц,— эта первая их беседа с глазу на глаз поможет мне войти в здешнюю атмосферу».

...А Штирлица на ужин пригласил Оберлендер. На столе был гусь, зажаренный с яблоками, хлеб и бутылка настоящей водки — немецких наставников снабжали продуктами из краковских армейских складов.

— Не рветесь из этой дыры в Берлин? — спросил Штирлиц.

— Рвусь. Видимо, урбанизм так же едко входит в моральные поры человека, как бензиновая копоть — в поры телесные.

— Урбанизм — это идея,— заметил Штирлиц,— а всякого рода идея порождает антиидею. Не пройдет и десяти лет, как вы станете яростным поклонником деревенской благости.

— Это рискованное утверждение,— ответил Оберлендер.— Прошу к столу, оберштурмбаннфюрер.

— Благодарю.

— Начнем с горилки? Я готовлюсь к русской кампании: у них в отличие от нас сначала пьют, потом закусывают.

— Да?

— Да. И это правильней. Алкоголь — суть обострение чувственного восприятия. А разве этот жареный гусь не есть сгусток чувств?

Штирлиц посмотрел на породистое лицо Оберлендера и не сдержался:

— Всякий молодой мыслитель обычно старается утрированно-ярко излагать мысль, а сказать-то нечего: философия — наука возраста.

На какое-то мгновение Оберлендер стал, словно скованный, даже заметно было, как он напряженно прижал к бокам толстые руки, но потом, расслабившись, резко потянулся к бутылке.

— В отношении молодости вы правы,— сказал он, стараясь не казаться обиженным,— и в отношении философии тоже. Но я отношу себя к иному типу мыслителя: мне все смешно. Мои сентенции не что иное, как тяга к юмору, которым судьба меня обделила. Впрочем, всех немцев судьба обделила юмором: даже интеллигенты у нас сплошь серьезные, скучные «профессора», страдающие так открыто, что это граничит с кокетством.

— Ну, уж если откровенно, вы тоже кокетничаете, говоря, что вам все смешно.

— Знаете, оберштурмбаннфюрер, мне приятно с вами,— искренно сказал Оберлендер.— Вы не скрываете своей антипатии; значит, мне не надо вас опасаться — люди вашего ведомства тогда только опасны, когда они проявляют чрезмерную доброжелательность.

— Браво! — сказал Штирлиц.— Это верно. Браво!

Оберлендер положил Штирлицу ножку, а себе взял крыло.

— Приятного аппетита! — пожелал он и хрустко разломил крыло, и в этом треске раздираемой кости прозвучало для Штирлица что-то особенное, страшное — он даже побоялся признаться себе в том, что именно он почувствовал, особенно когда глянул на сильные, округлые, ловкие и мягкие пальцы Оберлендера. Внимательно оглядев крыло, тот открыл рот, белые, ровные зубы его впились в мясо, и лицо сделалось сосредоточенным.

— Как гусь? — спросил Оберлендер.

— Великолепен.

— Господи, я забыл о приправах! — ужаснулся Оберлендер.— Сейчас скажу дневальному — на кухне в рефрижераторе отменные приправы!

Оберлендер вышел во вторую комнату, которая служила ему одновременно кабинетом и спальней, и набрал номер внутреннего телефона.

— Микола, будь любезен, принеси мне приправы из рефрижератора!

Вернувшись к столу, он снова начал обстоятельно прицеливаться к крылу, поворачивая в сильных пальцах кусок мяса, как ювелир — драгоценность.

— Как наш Рейзер? Сработались? — спросил Штирлиц.

— По-моему, он славный парень.

— Это не оценка работника гестапо: «парень» — либо возрастная категория, либо сексуальная.

— Я не сказал «парень». Я сказал «славный парень». Когда офицер армии так говорит об офицере гестапо, это не сексуальная и не возрастная оценка, оберштурмбаннфюрер. Это оценка деловая.

— Это вы хорошо меня отбрили. Словом, сработались?

— Мне не приходится, к счастью, срабатываться ни с кем из ваших. Я должен срабатываться с подопечными. Они должны помочь успеху армии, а первый успех весьма важен, ибо он носит шоковый характер.

— Верно. Наши задачи находят полное понимание со стороны ваших украинских подопечных?

— Цели двух людей всегда носят разный характер, даже при видимой общности. А что уж говорить о нациях...

В дверь постучали.

— Да! Войдите! — откликнулся Оберлендер.

Микола поздоровался со Штирлицем и поставил на стол приправы.

— Как настроение, Микола? — спросил Оберлендер.— Не грустишь?

— Работы много — грустить не успеваешь,— распевно ответил парень.— Ничего больше не потребуется?

— Нет, милый, спасибо. Хочешь рюмочку?

— Не велели — грех.

Посмотрев какое-то мгновение на дверь, осторожно прикрытую Миколой, Оберлендер задумчиво сказал:

— Несчастный парень... Его, видимо, расстреляют.

— Что?!

— Он оказался блаженным. Это распространено у славян... Он, знаете ли, ищет правду...

— Зачем же стрелять? Помогите ему правду найти.

— Такую идею высказали Шухевич и Стецко. Идея устроила Крюгера и Рейзера.— Оберлендер взял второе крыло с блюда.— Казнь своего сплотит легионеров. Своя кровь сплачивает сильнее, чем чужая: орден тем и силен, что требует жертву, причем жертву из своих же рядов.

— В чем вина этого парня?

— В наивности. В детской, доверчивой, крестьянской наивности. Политика рейха этого не прощает, не так ли?

— Политика рейха не прощает изменников и требует от всех своих граждан абсолютной, предельной открытости.

— У меня создалось впечатление, что вы человек дела, оберштурмбаннфюрер.

— Не понял.

— Вы все поняли.

— Я понимаю, когда мне делается ясной логика поступка. Здесь же я логики не вижу — досужие игры в средневековье.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—41.

— Парень попал сюда случайно, оберштурмбаннфюрер. Хотели привлечь его отца, но семья оставалась без кормильца; парень оказался наивным бычком — такие опасны в годину крови. Он уже все знает, поэтому отпустить его нельзя. Значит, его надо использовать. Во имя дела.

— Теперь понятнее. Какие задачи вы, лично вы, ставите перед легионерами?

— Лично я ставлю задачи перед студентами, когда надеваю мантию доктора права и государственных наук Пражского университета. Там я ставлю задачи. Здесь же я провожу линию, определенную моим командованием.

— И как вы понимаете эту линию — применительно к вашим подопечным?

Штирлиц сформулировал вопрос так, чтобы заставить Оберлендера ответить: вопрос, обращенный к л и ч н о с т и, делал невозможным уход от ответа.

— Еще горилки?

— С удовольствием,— ответил Штирлиц.

— Что касается того, как я вижу свои задачи в будущей кампании, то однозначного ответа дать нельзя. Видимо, следует выделить два основных аспекта проблемы: крестьянство как объект превращения в придаточный аграрный потенциал рейха и славянскую интеллигенцию как вероятного противника этого неизбежного процесса.

— Постановка вопроса абсолютна, но успех или неуспех мероприятия будут определять частности.

— Совершенно верно,— подняв глаза от остатков гуся, согласился Оберлендер.— Основные узлы этой проблемы я сейчас попробую сформулировать.

Оберлендер закурил, подвинул к себе пепельницу, сделанную из гильзы противотанкового снаряда, и напористо (ему, видимо, нравилась такая манера) начал говорить резкими, рублеными фразами:

— В конкретно-славянском случае проблема интеллигенции представляется мне первичной, поскольку марксизм определил этот вид общественной деятельности как «прослоечный». Прослойка — форма некоего накопителя, принимающего в себя представителей крестьянства и городских рабочих. Поскольку в России преобладало крестьянство, то, следовательно, накоплений от села в интеллигенции было больше. Крестьянская идеология в интеллигенции стушевывает п о р ы в, поскольку земля менее склонна к эволюции, чем фабрика. Станок революционен по своей сути, ибо он несет в себе заряд соревнования с другим станком, тогда как земля едина и бесконечна в своей вечности. Видимо, наша задача заключается в том, чтобы столкнуть интеллигенцию, так сказать, станковую с интеллигенцией аграрной. Противопоставление всегда конфликтно. Третьей силе выгоден конфликт двух других сил. Ущербность самолюбия — инструмент борьбы. Когда ты представитель «прослойки», когда ты ниже иных представителей общественных групп,— с тобой легче говорить представителю третьей силы.

— Управленческий аппарат вы относите к интеллигенции?

— Насколько мне известно, управленческий аппарат в России насквозь большевистский. Работать с ним бесполезно, ренегаты принесут мало пользы, ибо изменник обоюдоопасен. После того как будут изолированы фанатики, предстоит серьезная работа по расколу: ставка на тех, кто пришел от земли и с землей связан. Отсюда — скачок к массе крестьянства. Отличительная черта крестьянства — преклонение перед количеством. Для того, чтобы освободить земли Украины для заселения нашими колонистами, можно избрать два пути. Первый — создание поселений, построенных по спектральному методу: в основе конструкции колонист или группа колонистов, а вокруг бараки украинских агрорабочих, выполняющих задания рейха, доведенные до них нашими поселенцами. Пропорция населения только в первые годы, в первые десятилетия будет устраивать нас. Рейхсфюрер обозначил необходимое количество детей в каждой немецкой семье — семь. Четыре мальчика и три девочки,— добавил Оберлендер, и Штирлиц хотел угадать и с к о р к и у него в глазах, но Оберлендер, словно поняв это, потянулся к бутылке и разлил горилку по рюмкам.— Значит, на украинских землях вновь возникнет конфликтная ситуация, ибо наши колонисты будут расти, но и украинцы будут размножаться. С моей точки зрения, необходимо таким образом решить проблему, чтобы украинец сам попросил нас о переселении на Урал или в Сибирь. В этом нам должен помочь не только террор, но и о б р а щ е н н а я интеллигенция, связанная с землей. Идея создания личных хозяйств на больших землях, идея общения с пахотой — помимо немецкого колониста — только кажется рискованной, на самом деле она целесообразна. Биологическое несоответствие украинской мягкости и сибирской суровости обречет это племя на внутривидовой отбор, и мы снимем с себя возможные обвинения. Нужна песня и песенники, за которыми массы крестьян уйдут в Сибирь...

— Крестьянство России и Украины представляется вам темной, единой, безмолвной массой? Или вы как-то дифференцируете аграрный класс?

— Вы бывали в России? — задумчиво спросил Оберлендер.

— Даже если бы я и бывал там, мое мнение не имеет веса — я никогда не специализировался по славянской проблеме.

— Занятно, чего в вашем ответе больше: недоверия ко мне лично или к армии, которую я представляю?

— Вы представляете армейскую разведку. Не стоит смешивать понятия.

— В таком случае СД...

— Экий вы зубастый,— удовлетворенно заметил Штирлиц.— Но в принципе верно: СД — перчатки, в которых партия проводит кое-какие мероприятия. То же самое и с абвером — в системе армии.

— Я отвечу на ваш вопрос,— удобнее устроившись на стуле, сказал Оберлендер.— Вопрос интересный, на него стоит ответить.

— Вы ведь больше заинтересованы в ответе. Нет?

— Верно.

— Вы привыкли оценивать свои мысли со стороны. Вы отчуждаетесь, когда говорите?

— Слушайте,— серьезно предложил Оберлендер,— приходите в Пражский университет. Ректором, а? Мне будет легко работать с таким руководителем.

— Спасибо. Обдумаю ваше предложение. Итак?

— Крестьянство России и Украины в общемто мало разделимо: культура одна и та же, корни общие, киевские. Оно поразительно, их крестьянство... Советы создали в деревне новое сознание, коллективное, которое сосуществует с сознанием личным. Коллектив ослабляет страх крестьянина перед засухой, неурожаем, саранчой. Изолированная личность с большим трудом борется за жизнь. Коллектив же предполагает активность каждого в борьбе за общий интерес. Вот тут и сокрыто главное звено, за которое следует уцепиться, чтобы вытянуть всю цепь. Надо доказать славянскому аграрию, что всякое посредничество коллективной техники между ним и землей не нужно. Надо всячески стараться вернуть славянского крестьянина к идее девятнадцатого века, согласно которой единственная ценность в мире — это руки пахаря, запах конского пота и отвальная жирность весенней земли. Техника — порождение дьявола. Понимаете? Россия, которая была матерью картофельных бунтов, Россия, которая противилась новшествам, ибо они ч у ж и е, есть объект, к которому особенно приложима умная пропаганда. Нужно помнить, что история сплошь и рядом порождает иллюзии: людям свойственно искать прекрасное в прошлом, идеализировать его. Надо помочь славянам в этом аспекте — иллюзия прекрасного прошлого должна стать программой будущего.

— Вы убеждены, что иллюзия прошлого победит в России иллюзию будущего?

— Если наше слово будет умным,— победит. Если наше слово будет произнесено их проповедниками,— мы выиграем.

— Кто сможет проводить в жизнь «идею прошлого»?

— Мои подопечные, в частности,— уверенно ответил Оберлендер.— Иллюзия прошлого покоится на фундаменте национализма.

— Но Советы здорово поработали над тем, чтобы национализму противопоставить интернационализм. Нет?

— В общем-то это верное замечание. Они работали серьезно с этой идеей.

— Вам кажется, что идея Советов поверхностна? — спросил Штирлиц.— Двадцать пять лет большевизма легко забудутся?

— Хороший вопрос,— сказал Оберлендер и тяжело посмотрел на Штирлица. Он знал, что этот человек из разведки и хотя задачи его поездки, носившей явно инспекционный характер, были не до конца понятны ему, в одном нельзя было сомневаться: этот человек хочет знать правду, и он не боится ее узнавать.

— Хороший вопрос,— повторил он задумчиво.— Широко распространенное мнение о насильственности большевизма в России — ошибочно. Видимо, власть Советов — лучшая из всех, которая была там когда-либо. Славяне персонифицируют историю. От нас будет зависеть, каким способом мы утвердим, что наш «новый порядок» лучше прежней власти.

— И каким же способом это можно утвердить?

— Беспрекословностью подчинения и умелой пропагандой наших преимуществ.

— Вы имеете в виду социальные или бытовые преимущества?

— Последние.

— Значит, вы думаете предоставить славянам наши бытовые преимущества?

— Ни в коем случае. Только показать. Это вызовет в них преклонение перед нашей нацией, которая всего этого добилась. То, как долго мы этого добивались,— многозначительно добавил Оберлендер,— вопрос другого порядка.

— Вы смело говорите со мной.

— Я получил на это санкцию, оберштурмбаннфюрер.— Искры в глазах Оберлендера были нескрываемы, ибо он знал себе цену, понимая свою нужность рейху...

Однако назавтра, когда Штирлиц выслушал Омельченко, кое-что для него прояснилось: Оберлендер говорил лишь часть правды. Видимо, Оберлендер не успел обсудить с бандеровцами н ю а н с ы. То, что Шухевич сказал Омельченко, прибывшему с «миссией доброй воли» от Скоропадского, свидетельствовало об особой линии абвера.

Выслушав Омельченко, Штирлиц решил, что во время этой кампании армия з а я в и т себя не только умением брать противника в танковые клещи, но и з н а н и е м, как организовать тыл. Это был замысел той части генералов, которая рассчитывала вывести ОКВ в первый ряд иерархии, оттеснив партийных гауляйтеров Бормана, экономистов Геринга и палачей Гиммлера, ибо раньше тыл обеспечивали войска СС. Сейчас, судя по всему, армия решила заявить себя силой единой, неделимой и определяющей победу во всех ипостасях войны. Это было новое, тревожное новое, заставившее Штирлица заново проанализировать для себя вопросы, связанные с ролью вермахта в жизни рейха.

«Центр.

Создана банда легионеров ОУН «Нахтигаль», которая находится под командованием абвера (Оберлендер, Херцнер). «Нахтигалю» приданы особые карательные функции на территории Советского Союза — уничтожение партийного, советского, комсомольского актива Украины. Бандера говорит подчиненным о своих «чрезвычайных правах» во время предстоящей «победоносной кампании», часто повторяя: «Я, как фюрер ОУН...» С точки зрения расовой теории Гитлера это недопустимо, ибо «фюрер» может быть лишь арийцем. Считаю, что это одно из наиболее уязвимых мест ОУН. Не убежден, что об этом известно в Берлине.

Юстас».

ЭКСКУРС № 2: «ПОЛИТИКА И АРМИЯ»

Будучи согласен с утверждением, что исторические параллели опасны, Штирлиц тем не менее вновь и вновь уходил в своих раз-

мышлениях к древним, исследуя настоящее. Он считал, в частности, что Ксеркс стал владыкой Азии потому лишь, что Галтиса, сестра великого Кира, бабка наследника, будучи воистину всемогущей, любила мальчика за его мягкую нежность. Она устала жить среди воинов с их шумными пьянками и сальными разговорами о распутных бабах — только в молодости ей нравилось быть наравне с героями битв, к старости она захотела ощутить странное и горькое благо женственности.

Ксеркс, став царем персов, любил приходить во дворец Галтисы поздним вечером, когда кончались утомительные совещания с членами высшего совета, встречи с сатрапами завоеванных провинций, которых вызывали для отчетов, начальниками воинских соединений, информировавшими о положении на границах, и ловкими экономистами, что отвечали за состояние казны.

Лишь здесь, в доме бабушки, Ксеркс вновь ощущал себя любимым, он громко смеялся, рассказывая о прожитом дне, и Галтисе казалось, что внук продолжает свои детские игры, изображая в лицах Мардония, прирожденного воина, уставшего жить дома, в кругу семьи, без битв, дальних дорог и новых невольниц; Артабана, познавшего всю прелесть высшей политической интриги, которая представлялась ему подобной историческому трактату, сдобренному хорошей поэзией, угодной и понятной богам, а потому столь заманчивой для смертных.

Галтиса любила Ксеркса, и эта любовь жила в ней вместе с постоянным чувством тревоги за внука: доброта и юность в мире сильных — опасные качества духа человеческого, ибо лишь сила может одолеть силу.

Галтиса воспитывалась в доме тирана, который с двенадцати лет приглашал любимую сестру на беседы с иностранными послами, чтобы девочка смогла познать стратегию политической борьбы. Великий Кир позволял сестре говорить все, что она считала должным сказать.

Став женой сатрапа, открывшего Азии равнины и холмы Европы, Галтиса сказала ему:

— Сколько прекрасных мужских лиц перевидала я в моих грезах, сколько слов сказали мне несуществующие любовники, сколько нежности испытала я в снах своих... Не говори мне о своей страсти: ты честен, и когда ты захочешь завести новую подругу, тебе будет стыдно смотреть мне в глаза, и ты прикажешь отравить меня, и это погубит тебя, ибо я сестра Кира, и боги станут тебе мстить. Относись ко мне, как к другу. Когда ты захочешь устроить вакханалию, какие делал мой брат, чтобы успокоиться после трудных разговоров с врагами, скажи мне, и я уеду в горы, а ты сопроводишь меня до первых постов, и вернешься, и будешь счастлив, ощущая свою силу и величие: жена сатрапа должна позволять ему ощущать собственное могущество. Не держи при мне евнухов — я ненавижу соглядатаев, они предатели по натуре, ибо предавший раз предаст и второй. Верь мне, тогда я смогу быть для тебя тем, кем была для брата.

Сатрап был счастлив в браке. Он открыто, на глазах у помощников советовался с женой, оказывал ей почести на людях, словно богине, проведя перед этим ночь в обществе вакханок, и эта его свобода пугала остальных сатрапов, ибо если человек силен дома, где труднее всего быть сильным, то, значит, по отношению к чужим мощь его несравнима и устрашающа; лишь когда владыка не скрывает от ближних свои желания, тогда только он достиг высшей власти.

...Просиживая с внуком многие часы, внимательно следя за тем, чтобы невольники вовремя подавали любимые Ксерксом блюда, Галтиса думала, как поступить ей, как, не пугая мальчика, сказать о той постоянной угрозе, которая сопровождает его каждый шаг. Как никто другой, она знала, что́ по-настоящему увлекает внука. Ксеркс блистательно рассказывал ей истории морских путешествий, давал свою оценку битв времен вавилонского расцвета, интересовался нравами далекой Спарты и шутя замечал, что обычай спартанцев — после гибели владыки на поле брани закрывать рынок и суд на десять дней — невозможен у персов, поскольку тяжба и торговля — два самых любимых занятия подданных. Он обращал свой взор в прошлое, но не так, как это делали Кир или Дарий, не во имя далекого будущего, а для своего удовольствия: что может быть приятнее парадоксальных рассуждений, во время которых оттачивается ум и развивается риторика!

Галтиса постоянно страшилась, как бы мальчик не решил, что, став царем, он обрел подданных. Она знала, что лишь разумный баланс сил может спасти жизнь Ксеркса. Она понимала, что, будь он простолюдином, не отмеченным печатью богов, все было бы просто и обыденно. Однако жизнь царя неразрывно связана с его престижем, а престиж — это всегда действие, и не обороняющее, но атакующее. Его престиж — это престиж царства, и честолюбцы всегда могут войти в коалицию с другими честолюбцами, если докажут, что уровни престижей не соответствуют друг другу; тогда, скажут они, спасение в перевороте и убиении того, кто оказался ниже задуманного ими идеала.

Галтиса знала, что в царстве идет скрытая борьба между военной партией Мардония и партией политиков, которую возглавлял белолицый, в скромном холщовом хитоне Артабан.

Галтиса понимала, что схватка двух честолюбий ждет арбитра, но она отдавала себе отчет в том, что ни Мардоний, ни Артабан не считали Ксеркса арбитром. Они считали, что Ксеркс должен примкнуть к одной из партий, придав ей, таким образом, законодательные функции и божественную устремленность.

И однажды во время плясок юных скифок, наблюдая за тем, с каким равнодушием Ксеркс смотрел на постыдности, разжигавшие других мужчин, Галтиса приняла решение. Она думала о жизни своего слабого, нежного мальчика, который для слепой толпы был царем, а для вождей партий — пешкой, венценосным символом, который следовало обратить на свою сторону или уничтожить.

«Он очень умен,— думала Галтиса, наблюдая за Ксерксом,— он смотрит искусство тела, а не распутство духа этих дикарок. Ксеркс знает цену своей мужской силе, и он не пресыщен, просто он умеет видеть больше, чем другие: за постыдным он тщится увидеть чудо пластики. Это мой внук, и я должна открыть ему истину...»

— Ксеркс,— сказала Галтиса, — великий царь персов, выслушай меня.

— Говори,— ответил Ксеркс, медленно оторвавшись взглядом от скифок.

— Владеть — значит опережать. Царствовать — значит угадывать предначертания богов. Угадывание не есть темное нечто, это, наоборот, явное, сложенное из кубиков явного. Кубики — мнение людей, которые окружают каждого. Разбросанные по полу кубики — крушение империи. Сложенные воедино — стены вечности, оберегающие памятник величия вла-

дык. Кубик «достижения величия войной» — Мардоний; кубик «достижения величия миром» — Артабан. Если ты станешь медлить, свершится распадение двух кубиков на десятки других. Сейчас тот момент, когда ты, зная мнение обоих, должен сделать выбор и принять решение.

Галтиса напряженно ждала, что ответит внук, и страшилась его ответа: даже самым умным бабушкам внуки-цари всегда кажутся маленькими детьми.

Ксеркс медленно очистил банан, сделал из желтой кожуры кораблик и осторожно положил его на большое серебряное блюдо.

— Похоже на лодку, которую спустили на море после захода солнца,— чуть прищурив глаза, сказал он.— Литое вбирает в себя слабое.— Он снова глянул на танцовщиц и чуть поморщился: отдавало потом, дикарки заметно притомились.— Говорят, серебро лечит желудочные недуги — очень интересно... Неделю назад я приказал разрубить пополам трех фригийцев, которые пришли ко мне с доносом на Мардония и Артабана, они сказали, что тот и другой хотят убить меня в борьбе за свои идеи. Я повелел ознакомить вождей партий с моим приговором: «Казнить бесчестных за попытку посеять вражду и недоверие среди друзей». Лазутчики донесли, что казнь отрезвляюще подействовала на обоих: они теперь говорят со своими советчиками о планах на будущее в дальних комнатах, опасаясь, что мои люди смогут подслушать их речи. А я знаю все, все!..

Назавтра, собрав совет, Ксеркс посадил Галтису подле себя, на второй ступеньке тронного возвышения, и, улыбчиво оглядев чеканные лица вождей партий, сказал:

— Все время после вступления на престол, о персы, я размышлял над тем, как бы мне не уронить царского сана предков и совершить деяния на благо державы не меньшие, чем они. Я собрал вас, чтобы открыть мой замысел: соединив мостом Азию и Европу, я поведу войска в Элладу.

Всю ночь Ксеркс готовился к этому совету. Он вызвал в дом бабушки тех, кто был когда-то поднят из милости великим Дарием: с ними беседовала Галтиса. Ксеркс сидел в углу, пил горячий напиток из листьев соргии и молчал. Лишь когда бабушка кончила беседовать с десятым человеком, голос которого должен был склонить совет в пользу его, Ксеркса, идеи «баланса», царь сказал:

— То, что вам повелела Галтиса, угодно мне и богу. Запомните все, что она объяснила, но поступайте так: сразу после того, как я закончу речь, а закончу я словами «отныне и на века», немедленно, как по команде, оберните головы к Артабану, буравьте его взглядами, и пусть вождь партии войны Мардоний почувствует свою малость и незначимость, ибо слова, которые готовился сказать он, скажу я, лишив его, таким образом, идеи. И не отрывайте взоры от лица вождя партии политиков до тех пор, пока не заговорит Мардоний, а он заговорит, или я ничего не понимаю в людях!

Галтиса подумала: «Такого не мог ни Кир, ни Дарий. Мальчик — самый великий политик из нашего рода воинов».

И сейчас в тронном зале, восседая возле левой сандалии внука, Галтиса, чувствуя внутреннюю дрожь, впилась глазами в лицо Артабана, хотя ей мучительно хотелось обернуться к Мардонию, от которого сейчас зависело будущее царя.

Ксеркс рассчитал всё, как математик, который выше политика, ибо оперирует он данностями, которые лишены эмоций. Мардоний, ощутив свое внезапное одиночество, вспомнил недавнюю казнь фригийцев, увидел, что все внимание обращено на его врага Артабана, резко поднялся и зычно произнес:

— Владыка! Ты самый доблестный из всех персов, какие были и будут когда-либо! Войны неизбежны, и мы должны собрать армию и начать битву против слабых эллинов!

Ксеркс отметил, что Мардоний сейчас выступил как политик, ибо он, во-первых, назвал его «самым доблестным» — так еще никто и никогда не говорил о нем,— а во-вторых, повторил свой тезис о неизбежности войн как его, царский тезис, согласившись, таким образом, признать свою верноподданную в т о р и ч н о с т ь.

«С этим все»,— понял Ксеркс и легким кивком головы поблагодарил Мардония.

— Артабан,— сказал он,— твой черед.

— Правильное решение, — откашлявшись, начал Артабан,— дело самое важное. Если потом и возникнет препятствие, то это неважно — решение все равно хорошо. Поспешность — к неудачам, промедление — во благо. Ты же, Мардоний,— обернулся Артабан,— перестань говорить презрительно об эллинах! Ведь пренебрежительными речами и клеветой на их слабость ты призываешь царя к немедленной войне с ними!

Нет ничего страшнее клеветы: клевета делает преступниками двоих, а третьего — жертвой!

Ксеркс глянул на Мардония, понял то, что ему надо было понять, и закричал на Артабана так, как кричат на слуг:

— Ты малодушный трус! Ты не пойдешь со мной на Элладу, а останешься здесь с евнухами стеречь наших баб!

Мардоний громко засмеялся, Артабан склонился в униженном поклоне, Ксеркс утвердил себя царем, жизни его отныне ничего не грозило, и Галтиса впервые за три года уснула счастливой.

(Потом будет поход в Европу, и мост через Геллеспонт, и шторм, и гибель моста, и будут воины Ксеркса за этот шторм сечь море и надевать на него оковы, и будут идти мимо Олимпа к Афинам, и будут грабежи, моры, распутство, победы, Фермопилы, будет гибель флота, бегство, казни, оргии, пьяный бред, воспоминание о молодости и ненависть к бабке, к проклятой старухе, которая не о с т а н о в и л а, и будет тяжкий и липкий страх, знакомый тем, кто познал медный привкус н е с в е р ш е н и я, а потом настанет смерть — от руки начальника стражи...)

Штирлиц раскопал в библиотеке, что король Фридрих Второй прусский изучал историю древних с профессорами, которые купировали тексты Плутарха, Геродота и Платона таким образом, чтобы юноша воспитывался на триумфах, а не поражениях. Учителя верили: трагедии персов, римлян и греков проистекали потому лишь, что монархи не имели мобильной армии, которая стала бы постоянным инструментом национальной политики. Армия, приведенная к присяге прусскому монарху, должна оказаться той силой объединения германской нации, которая сможет покарать противника внутри и вовне. Не собирать наемников и рабов к предстоящему походу, а иметь их постоянно под рукой; не дискутировать возможные варианты близкого и далекого будущего, а планировать это будущее загодя: лишь сила определяет мир, лишь организованная сила постоянна и имеет шанс на конечную победу.

Уроки Ксеркса были необходимы Фридриху Вильгельму для того, чтобы объединить раздробленные немецкие княжества под короной единой Пруссии. Национальная идея потребовала для своего утверждения «инструмент». Такого рода «инструментом» оказался генеральный штаб, который не только планировал места стоянок армии, количество материалов — для палаток, дерева для ободьев повозок, бумаги — для карт, но и предлагал монарху план наиболее целесообразного удара по противнику. Когда первый в истории Пруссии начальник генерального штаба Герхард Белликум предложил монарху такой план, Фридрих Вильгельм явственно представил себе лицо Мардония и тихо ответил:

— А почему вы внесли только одно предложение? Мне нужно пять по крайней мере, для того, чтобы я избрал единственное, увязав его с соображениями политической целесообразности, которая вам неподвластна...

Состоявшееся не исчезает. Задуманное осуществляется. Обиду не прощают, особенно воины и жены. Внуки Герхарда Белликума знали об унижении, которое испытал их дед. Потомки Фридриха Вильгельма помнили, как их венценосный предок поставил на свое место генеральный штаб: «Каждому — свое». Равновесие противоположностей долго продолжаться не может, а история мерит свою значимость столетиями — не годами. Генералы возвысившейся Пруссии знали, что венценосцы обязаны своими победами им. Они, как и монархи, не хотели понять, а скорее всего не могли, что лишь массы возвышают личность, а не наоборот; они верили, что массы чтят ту личность, которая ввергала их в пучины крови, разрушений, поражений и побед; миротворцев забывали — тиранов чтили. Подспудная борьба честолюбий продолжалась веками. Монарх — свят. Нация—вечна. Прусский дух не позволял генералам выкаблучивать «французские штучки», когда солдаты дерзали стать маршалами. Но они, будучи представителями нации высокой и организованной дисциплины, решили противопоставить монарху не личность, а совокупность личностей — генеральный штаб. Так родилась каста. Генеральный штаб планирует атаку — не мир. Маневры проводятся для того, чтобы нападать — не обороняться. Генералы, которые только учат муштре, но не позволяют юному ландскнехту ворваться в чужой город и ощутить сладость победы, обречены на презрение наемников и офицеров. Генералы знают это: они требуют от монархов реализации их планов на полях битв.

...Когда завершалось объединение германских земель под скипетром Пруссии, генеральный штаб функционировал особенно интенсивно. Он вел подготовку войны против Франции.

После разгрома Франции германский — не прусский уже — генеральный штаб приступил к новой фазе долгосрочного планирования агрессии.

Кайзер Вильгельм уволил в отставку Бисмарка, сопроводив увольнение почетными наградами и программным письмом: «Ваша светлость! В вопросе о необходимости и полезности войны политические и военные взгляды между собой разошлись. Последние сами по себе имеют право на существование... Я полагал, что такое указание не будет бесполезным для Вашей светлости, но не подозревал, что оно будет истолковано как желание подчинить политические задачи чисто военным целям. Я всецело держусь мнения Вашей светлости, что даже при счастливом ходе войны с Россией нам не удастся уничтожить ее боевые силы. Долг генерального штаба зорко следить за военным положением страны и наших соседей и заботливо взвешивать преимущества и невыгоды. Исходя из того, что не направление политики, а подчиненные ей в о е н н ы е мероприятия должны соответствовать политическим задачам момента, глава генерального штаба должен доводить до сведения руководителя политики военную точку зрения...»

...Выступая на митингах национал-социалистов, где в почетном президиуме сидел соратник кайзера Вильгельма генерал Людендорф, сопровождаемый фюрером штурмовиков офицером генерального штаба Эрнстом Ремом, Гитлер поначалу робел, покрываясь липким потом: уж кто-кто, а Людендорф понимал, что программа НСДАП — чуть модернизированная программа кайзера, разбавленная словесными, никого не страшащими призывами «покончить с капиталом, ссудными кассами, евреями и большевиками»; главная же ее суть оставалась неизменной.

Людендорф аплодировал молодому фюреру первым — за этим златоустом люди пойдут, этот «из низов», и обращается он к «низам» и поэтому будет легко управляем кастой генералов, ибо он, Гитлер, ощущает свою малость, не стыдится говорить про свой ефрейторский чин, восхищается героизмом армии и преклоняется перед военным гением Германии.

Гитлер, в свою очередь, понимал, отчего Людендорф оказывает ему такое открытое, дружеское уважение — сделка неравенств во имя торжества идей Великой Германии. По ночам фюрер не мог заснуть от гнева: его хотят просто-напросто использовать; генералам кажется, что он воск в их руках, они думают, что он прилежный ученик прошлого века. Он успокаивал себя и молил провидение о выдержке: главное с т а т ь — потом он им покажет «воск»!

Он с т а л, заключив договор с рурскими магнатами и тайным генеральным штабом. Две могучие касты п р и в е л и е г о к креслу рейхсканцлера. Он жаждал возмездия, но он знал силу касты и свою неумелость управлять государством.

Провидение помогло ему ощутить свою силу, ибо генеральный штаб заявил открытый протест против фюрера штурмовиков Эрнста Рема — ближайшего сподвижника, «брата и друга по совместной борьбе»,— когда тот по-

требовал от Гитлера объединить армию, СА и СС.

— Аристократы в погонах никогда не примут конечных целей нашего движения,— говорил Рем.— Мы для них — лишь переходная фаза, мостик из Версаля в будущее. Они отринут нас, как только мы разорвем версальские соглашения и докажем миру, что Германия восстала из пепла.

— Как ты мыслишь новую военную организацию? — спросил фюрер задумчиво.— Какой она тебе видится? Кто сможет управлять такой махиной?

— Управлюсь,— ответил Рем.— Неужели ты думаешь, что я не смогу загнать овец в хлевы? Кадровая армия сделается ферментом беспрекословности в будущей военной организации рейха; штурмовики и эсэсовцы получат от нее закалку слепотой; армия, в свою очередь, научится в наших рядах национал-социализму — такой сплав непобедим.

Рем назвал себя вождем будущей армии, сам назвал себя вождем. Этого было достаточно: фюрер сыграл трагедию — он отдавал на заклание армии своего брата по партии, который оказался «мягким идеалистом», не подготовленным к практике государственного строительства — он жил старыми лозунгами национал-социализма, которые ныне стали мешать практике межгосударственных отношений.

Гитлер лично руководил налетом на виллу Рема. Сонный телохранитель на вопрос: «Кто там?» — услышал ответ: «Телеграмма из Мюнхена». Фюрер изменил голос, отвечая охраннику Рема, он произнес фразу, как ребенок, пискливо. Опыт работы в тайной полиции (чем не грешит честолюбивая молодость!) помог фюреру войти в виллу своего «брата» без выстрелов. Выстрелы прозвучали спустя десять минут, они были глухими: Рема и его соратников убивали в подвале, где находился тир.

Генеральный штаб в благодарность за эту «жертву» привел армию к новой присяге: «Я клянусь перед господом богом этой священной присягой, что буду безропотно подчиняться фюреру немецкого государства и народа Адольфу Гитлеру, верховному главнокомандующему вооруженными силами...»

Теперь Гитлер мог убрать тех генералов, которые помнили военную программу кайзера Вильгельма и понимали меякую «вторичность» фюрера. Но фюрер не торопился. Он был спокоен. Он взошел по лестнице. Осталось еще одно испытание, и тогда...

Аншлюс Австрии был пробным камнем: если сорвется — он во всем обвинит генералов и отдаст их на заклание. Если произойдет так, как задумано, лавры получит он. Он получил лавры. После этого он разогнал тот генеральный штаб, который вел его к победам. Все те, кто знал его начало, его малость и неумелость, должны уйти. Все те, для кого он был просто Гитлером, а не «великим фюрером», «гениальным стратегом», «непобедимым полководцем», должны исчезнуть. Гитлер посадил в кресло военного руководителя Кейтеля — исполнителя с мышлением дивизионного командира. Новые генералы славили стратегический гений фюрера — во время первой мировой войны они были лейтенантами и не могли знать того, что знали генералы, уволенные в отставку. Однако логика развития противна логике личности, обуреваемой честолюбивыми замыслами: новые фронты потребовали знающих командиров. Гитлер был вынужден призвать из поместий фельдмаршалов, которые жили там уединенно, под негласным надзором гестапо. Генеральный штаб, спланировавший войну на много лет вперед, становился саморегулирующейся силой, которая требовала питания, словно мощный мотор. Этого не понимал Гитлер, опьяненный победами. Это понял Штирлиц, наблюдая за мелким, казалось бы, эпизодом, связанным с группой незаметных, мелких политиканов из ОУН.

«Будет драка,— думал Штирлиц.— Генералы не простят Гитлеру унижения. Об этом надо думать уже сейчас и помогать этой драке, где только можно и как можно».

Продолжение следует.

Песня о Смоленске

Стихи
Владимира КЛОЧКОВА

Музыка
Николая ПИСАРЕНКО

Все холмы да холмы, словно шлемы солдат,
Средь просторов лесных твои стены стоят,
Город мой, обласканный
Ветрами и сказками,
Ласковый.

Когда пургой над Русью бушевали войны,
Гудел Смоленск, гудел в колокола
И поднимался грудью, стеною крепостною
На ратные бессмертные дела.

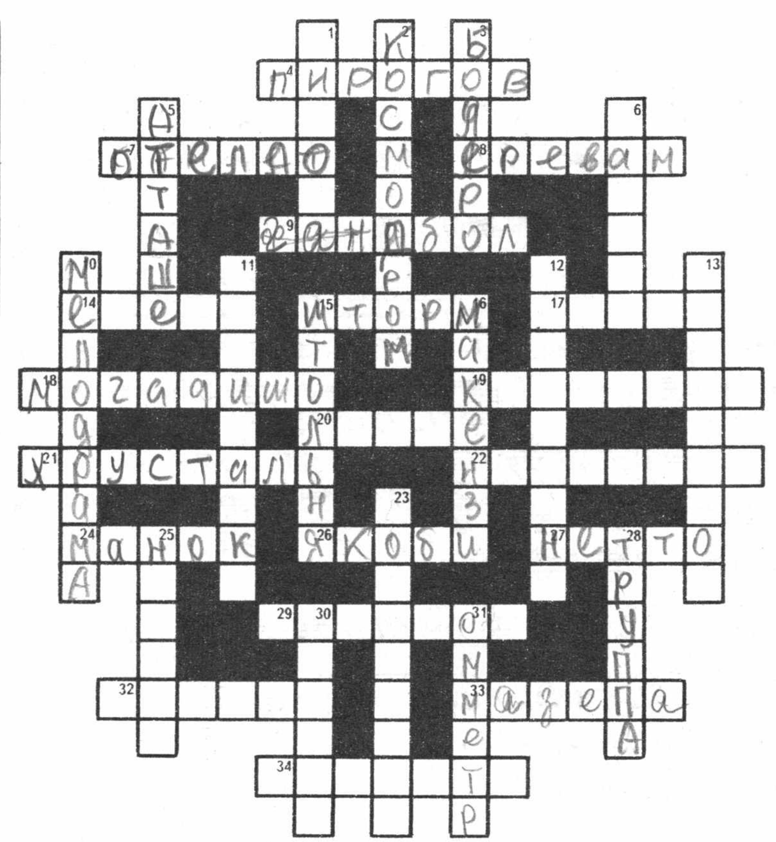
А сейчас с тополей то ли пух, то ли снег.
В обновленной красе ты стоишь на земле,
Город мой, обласканный
Ветрами и сказками,
Ласковый.

Едва нахлынет вечер бирюзовым светом,
Вдоль улиц заискрятся фонари,
И вам спешат навстречу с улыбкою сердечной
Мои смоляне — земляки мои.

Хоть за тридевять верст, хоть за сотни морей
Жизнь меня занесет — не забуду огней
Города любимого,
Под седыми липами,
Милого.

Здесь, на днепровских кручах, терема да небо.
Здесь люди сероглазы и добры.
Здесь пахнет русским духом, румяным пахнет хлебом
И небо голубей голубизны.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русский хирург. 7. Трагедия Шекспира. 8. Столица союзной республики. 9. Спортивная игра. 14. Действующее лицо оперы Ю. А. Шапорина «Декабристы». 15. Сильная буря на море. 17. Млекопитающее семейства жираф. 18. Столица Сомалийской Демократической Республики. 19. Хлопчатобумажная проклеенная ткань. 20. Река в Якутии. 21. Сорт стекла. 22. Областной центр в РСФСР. 24. Охотничья дудочка. 26. Изобретатель электродвигателя. 27. Вес товара без упаковки. 29. Советский писатель. 32. Ягода. 33. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Полтава». 34. Виртуозная музыкальная пьеса.

По вертикали: 1. Горный массив в Болгарии. 2. Стартовая площадка межпланетных кораблей. 3. Испанский танец. 5. Дипломатический ранг. 6. Пьеса Бальзака. 10. Театральный жанр. 11. Стихотворение В. Маяковского. 12. Впадина с отлогими склонами. 13. Птица, живущая у воды. 15. Подземная горная выработка. 16. Шотландский путешественник XVIII—XIX веков. 23. Сорт яблок. 25. Мелкие зерна корунда. 28. Коллектив артистов. 30. Крейсер, участвовавший в Севастопольском восстании 1905 года. 31. Прибор для измерения электрического сопротивления.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 5. Бабаджанян. 6. Кваренги. 7. Ливорно. 9. Центавр. 11. Удочка. 14. Каркас. 16. «Аврора». 18. Анод. 19. Драп. 20. Юрмала. 21. Кварта. 24. Руднев. 27. Каретка. 28. Колибри. 29. Гирлянда. 30. Маяковский.

По вертикали: 1. Нароков. 2. Заставка. 3. Хабанера. 4. Пятница. 8. Индигирка. 10. Вариометр. 12. «Чайка». 13. Агава. 14. Киоск. 15. Серна. 16. Ампер. 17. Раунд. 22. Вагранка. 23. Теннесси. 25. Магадан. 26. Скандий.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Лена Петухова и Миша Баландаев одержали победу в соревновании пахарей Горномарийского района. Чемпионы учатся в Кузнецовской средней школе (см. в номере материал «Земля и тень ее лесов»).

Фото И. Тункеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Из фонда Всесоюзной художественной лотереи. Б. Яковлев. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ. М. Моторин. ФРУКТЫ В БЕЛОЙ ВАЗЕ. Х. Вельдре. ЛОДКИ.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 29/IX — 1975 г. А 00654. Подп. к печ. 14/X — 1975 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2508. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1186.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

СПОР
ПОСОЛ МИ

Л. Фидусевич. ПНР.
«Восторг».

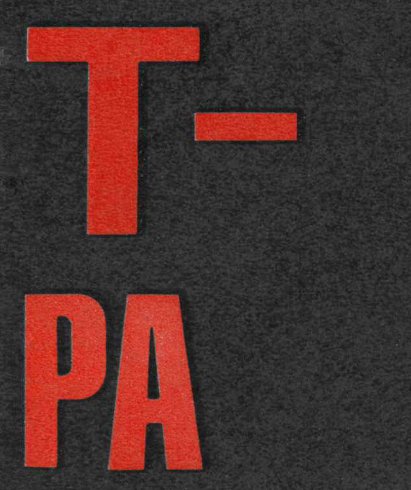
М. Боташев. СССР.
«Горе и радость».

В. Поляков. СССР.
«Где бы приземлиться!»

Д. Донской. СССР.
Серия «Анатолий Карпов».

еждународная выставка художественных и документальных фотографий, с успехом проходящая в Москве под девизом «Спорт — посол мира», вызвала огромный интерес как любителей фотографии, так и любителей спорта.

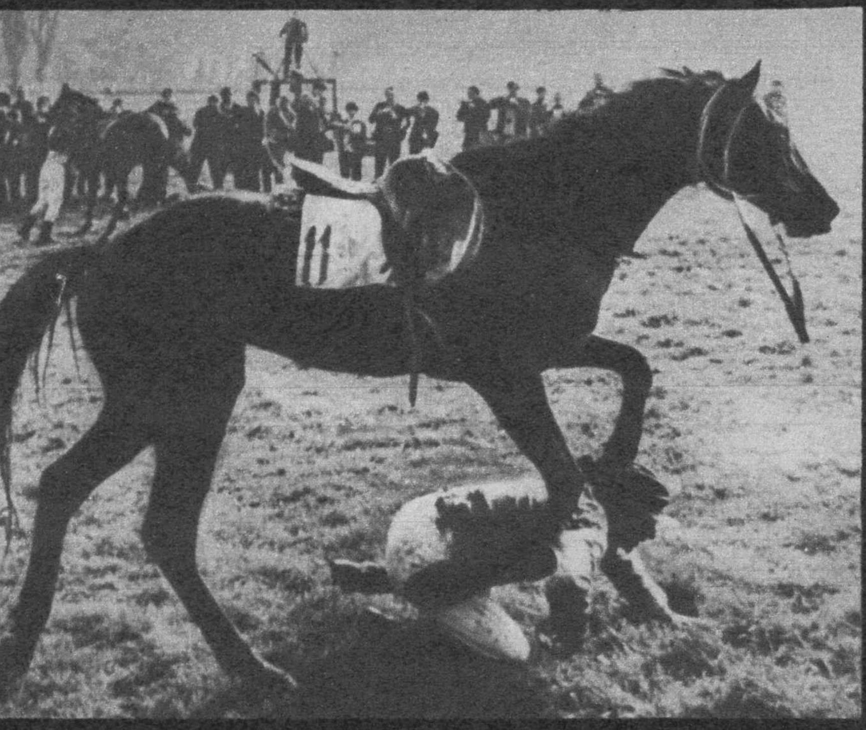
На ней представлены фотопроизведения мастеров из двадцати двух стран.

О больших возможностях спорта в воспитании человека и рассказывают 930 фотографий, экспонированных в залах выставки.

Они разнообразны по своей тематике, по сюжетам, но объединяет их одна общая

Б. Клипиницер. СССР.
«Симфония на льду».

А. Багенски. ЧССР.
«А теперь меня повезешь ты»

В. Рогачев. СССР.
«Приобщение к туризму».

черта: спорт—это не только мир людей сильных, ловких, быстрых, но еще и людей, умеющих остро чувствовать, душевно богатых.

Именно эта черта прежде всего отличает советскую школу спортивной фотографии. Три золотых медалиста, представляющих советскую фотографию,— М. Боташев, А. Бочинин и Д. Донской — раскрывают в своих лучших снимках эмоциональность современного спорта. Горе и радость фехтовальщика, предельная сосредоточенность шахматиста, изнеможение мотогонщиков, только что боровшихся на трудной трассе,— как широк диапазон чувств только в этих трех снимках! А разве фотографии польского мастера Л. Фидусевича не раскрывают все тот же эмоциональный подъем, без которого немыслима спортивная победа! Разве может оставить нас равнодушным снимок Ю. Сомова — ликующая Фаина Мельник!

Но спорт прежде всего высокое мастерство, и здесь возможности фотографии поистине безграничны.

Интересными работами являются снимок фигуристов золотого медалиста Б. Клипиницера (СССР), фотографии Г. Мюллера (ФРГ), получившего за свою серию «Спорт» золотую медаль, болгарского фотомастера Р. Марукяна, советских участников выставки В. Киврина, Ю. Моргулиса, англичанина Ф. Монте, чехословацкого фотокорреспондента К. Кучера и многих других.

Некоторые снимки мы воспроизводим на наших страницах.

Жюри выставки, которое возглавил президент Международной ассоциации спортивной прессы Ф. Тейлор, высоко оценило мастерство спортивных фотокорреспондентов. Десять золотых медалей и двадцать серебряных будут вручены участникам выставки. Большая группа фотомастеров награждена бронзовыми медалями и дипломами.

В. ВИКТОРОВ

А. Бочинин. СССР.
Серия «Эмоции».

Л. Петрович. ВНР.
«Финал».

К. Кучера. ЧССР.
«Разрешена игра корпусом».

Г. Мюллер. ФРГ.
Серия «Спорт».

Ю. Сомов. СССР.
«Есть рекорд».

Эти картины можно выиграть по билету Всесоюзной художественной лотереи. Более 200 000 живописных полотен, графических листов, произведений скульптуры и декоративно-прикладного искусства будет разыгрываться в Москве 17 декабря 1975 года. Стоимость билета — 50 копеек. Они продаются в организациях Министерства культуры СССР и Художественных фондов. Дирекция художественных лотерей (Москва, 107207, Уральская ул., 6) высылает их также наложенным платежом.

Таблица выигрышей будет опубликована в газетах «Советская культура» и «Труд».

Дирекция художественных лотерей

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663